

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК
ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР
ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

№ 6/84
Июнь

РОВЕСНИК

В НОМЕРЕ:

Сейчас, когда всему миру стало известно, что Гавана передала эстафету фестивального движения Москве, нам показалось уместным открыть этот номер «Ровесника» снимком, на котором — один из эпизодов памятной встречи в 1978 году в кубинской столице молодежи и студентов планеты, выступающих за антиимпериалистическую солидарность, мир и дружбу. Материалы новых рубрик — «Шаги фестиваля» и «Песни тех, фестивальных, лет» — на следующем развороте и IV странице обложки номера.

Фото В. КОЛКОВА

ISSN 0131 — 5994

ПРАГА. 1947

I Всемирный фестиваль молодежи и студентов состоялся в Праге с 25 июля по 17 августа 1947 года. 17 тысяч юношей и девушек представляли 71 страну. Лозунг фестиваля: «Молодежь, объединяйся в борьбе за прочный и длительный мир!»

«Бороться за единство молодежи во всем мире, за единство молодежи всех рас, всех цветов кожи, всех национальностей и всех верований... бороться за уничтожение остатков фашизма на всей Земле... за глубокую, искреннюю дружбу народов, за справедливый и длительный мир, искоренение нужды и безработицы».

Из Заявления участников Всемирной конференции молодежи (Лондон, ноябрь 1945 года), принявшей решение о проведении Всемирных фестивалей молодежи и студентов

ШАГИ

ХРОНИКА ПРАЖСКОГО ФЕСТИВАЛЯ

● Подготовительный комитет Международного фестиваля молодежи в Праге получил телеграмму из Александрии, в которой сообщалось, что египетская полиция арестовала двух делегатов, направлявшихся на фестиваль.

● По сообщениям печати, правительства США, Канады и многих других стран континента чинили всяческие препятствия к выезду делегаций в Прагу. Из Дании поступила информация о том, что в руководящих кругах Дании, Швеции и Норвегии имелась договоренность о том, чтобы помешать всеми возможными средствами участию молодежи Скандинавских стран в фестивале.

● Одному из членов молодежной делегации Австралии пришлось поступить матросом на грузовой пароход и проделать 80-дневный путь от Мельбурна, чтобы заработать средства для поездки в Прагу.

● На одной из площадей Праги установлен советский танк, первым ворвавшийся в мае 1945 года в столицу Чехословакии. 75 юношей и девушек Уральского тракторного завода, где был сделан этот танк, приехали на фестиваль в составе советской молодежной делегации — это самодеятельная хоровая капелла... Большинство советских делегатов — или участники Великой Отечественной войны, или награждены медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

● Участники фестиваля выезжают на молодежные стройки Чехословакии. Они помогают чехословацкой молодежи осуществить двухлетний план восстановления страны. 400 участников выехали в Югославию на строительство молодежной железной дороги. Делегация канадской молодежи вручила в подарок югославским строителям спортивное оборудование, на приобретение которого собрана тысяча долларов.

● В Праге впервые прозвучала песня композитора Анатолия Новикова на слова поэта Льва Ошанина, ставшая гимном демократической молодежи мира, гимном ВФДМ.

КТО БЫЛ КТО. Ваше имя? Национальность? Какой вы внесли вклад в дело победы над фашизмом? Какой вклад вносите в укрепление единства демократической молодежи мира? Какое участие приняли в фестивале? — такая анкета была распространена в дни пражского форума. Приводим ответы некоторых участников.

1. Бертолини Альмо. 2. Итальянец. 3. Был комиссаром партизанского соединения, действовавшего в Альпах против фашистов и коллаборационистов. 4. Весь свой опыт борьбы передаю молодежи Италии для еще более успешной борьбы с пособниками фашизма. 5. Вложил свою долю труда в дело восстановления села Лидице. Принял участие в состязаниях в стрельбе. Считаю, что фестиваль еще более укрепил наше единство.

1. Арне Людольн. 2. Датчанин. 3. Взорвал грузовик с боеприпасами немецкой армии. 4. Руковожу одной из секций организации скаутов в Копенгагене. Совершил поездку во Францию, Бельгию, где на митингах выступал за единство демократической молодежи в борьбе за мир и безопасность народов. 5. Участвовал в строительстве домов для горняков Чехословакии.

1. Виктор Мбобо. 2. Негр из Южной Африки. 3. Работал учителем в школе, но при колониальном господстве неграм не дают возможности долго учить учеников в одной школе. У нас профсоюзы существуют только для белых. 4. Сейчас учусь в университете. Буду адвокатом. Буду защищать право на свободную жизнь негров. 5. На фестивале рассказал, как капиталисты эксплуатируют черных людей.

ХРОНИКА ПРАЖСКОГО ФЕСТИВАЛЯ

● Телеграмма с греческого острова Минос: «Вы строите мир во всем мире, а здесь, при иностранной поддержке, снова множатся пепелища и развалины. В то время как у вас радостью звучат песни и смех, здесь убивают. Мы каждый день копаем десятки новых могил, чтобы похоронить своих друзей.

Из ссылки мы обещаем вам, что будем без устали бороться до окончания разгрома фашизма в Греции и за победу демократии и мира. Просим вас, помогайте нам своими протестами».

● Участники фестиваля приняли резолюцию, требующую немедленного прекращения колониальной войны в Индонезии, вывода голландских войск и удовлетворения всех справедливых требований индонезийского народа. Делегат голландской демократической молодежи заявил, что молодежь фабрик и заводов Голландии протестует против войны в Индонезии. В дни фестиваля рабочие амстердамских доков и амстердамские матросы отказались от погрузки кораблей, которые должны перевозить войска и военное снаряжение в Индонезию.

● В концертном зале «Соколовка» состоялся большой концерт национального искусства азиатских и африканских стран. Делегат Вьетнама вышел на сцену со своим национальным знаменем. Зал стоя выслушал гимн борющейся за свое освобождение страны. На концерте выступили также делегации Алжира и Конго, Индии и Южной Африки. Юноши из освобожденных районов Китая показали свое искусство, рожденное в партизанских боях за освобождение родины.

Наша справка. Это было время, когда греческий народ вел борьбу против террора сил реакции и поддерживающих их империалистов США и Великобритании; когда полыхало пламя антиколониальной войны против Нидерландов на островах Индонезии; когда была в разгаре война Сопротивления вьетнамского народа французским колонизаторам; когда в Китае Народно-освободительная армия повела контрнаступление против гоминьдановской власти за освобождение всей страны.

ФЕСТИВАЛЯ

РЕПОРТАЖ ИЗ ЛИДИЦЕ. 10 июня 1942 года деревню Лидице, неподалеку от Праги, фашисты сровняли с землей.

Во время фестиваля сюда прибыли участники международного форума молодежи, чтобы воздать почести мученикам кровавого фашистского режима. Более двух тысяч человек собрались у воздвигнутой трибуны. Раздалось три удара в колокол.

В это время вдали показались трое бегущих юношей. Это были посланцы молодежи французского городка Орадур, также варварски разрушенного фашистами. Эстафета приближается к месту митинга. Юноши поднимаются на трибуну.

Эстафета, которую принесли гонцы, переходит из рук в руки. Она любовно выточена из дерева молодыми французами. Символичен ее рисунок: у основания изображены цепи, фигуры узников, томящихся в тюрьмах. Но вот узники расправляют плечи, берут в руки оружие. Идет борьба. Композицию венчают фигуры молодых людей, символизирующих дружбу и единство.

Руками демократической молодежи Чехословакии на холме, возвышающемся над руинами, воздвигается новая деревня Лидице. Участники митинга поднимаются в гору. Молодежь расчищает землю от кустарника, роет котлованы. Мелькают в воздухе кирки, со звоном вонзаются в землю лопаты. До позднего вечера кипела в Лидице напряженная работа.

МОСКВА. 1985

ПРАГА. На заседании Центрального Комитета Социалистического союза молодежи Чехословакии его председатель Ярослав Йенерал сказал: «В это нелегкое время мы с уважением прислушиваемся к каждому голосу, к каждой инициативе, направленной на сохранение мира во всем мире, на развитие сотрудничества всех прогрессивных сил Земли, на дальнейшее укрепление антиимпериалистического единства молодежи. Поэтому мы горячо приветствуем инициативу Ленинского комсомола о том, чтобы XII Всемирный фестиваль молодежи и студентов состоялся в столице Советского Союза — Москве в 1985 году».

ГАВАНА. Молодежь острова Свободы горячо поддерживает инициативу Ленинского комсомола. Первый секретарь районного комитета Союза молодых коммунистов Кубы Роберто Новаина сказал на митинге, посвященном этому событию: «Год проведения XII Всемирного фестиваля особый для всего человечества. Исполняется 40 лет со дня Победы над фашистской Германией. Эта дата станет еще одним напоминанием современным поджигателям войны о той незавидной судьбе, которая ожидает всякого агрессора».

СОФИЯ. Вся деятельность Димитровского комсомола в предстоящий период будет тесно связана с подготовкой к XII Всемирному фестивалю молодежи и студентов. Пропаганде идей фестиваля будут посвящены и международные молодежные мероприятия, которые пройдут в Болгарии: XIV конгресс Международного союза студентов, недели и встречи дружбы, VI фестиваль песни «Ален мак», V Европейский молодежный и студенческий туристский центр в городе Приморско, международный пионерский лагерь имени Георгия Димитрова в Краневе и многие другие.

СМОТРИТЕ

1 июня — Международный день защиты детей

Известно, что дети —
будущее человечества.
Но не только будущее.
Они его настоящее,
его сегодняшние заботы.
Такие, как забота этого
молодого ливанца, с оружием
в руках защищающего ребенка
от израильских бандитов;
этой западногерманской матери,
с трибуны митинга страстно
защищающей жизнь от угрозы
ядерной гибели;
этой никарагуанки,
засевшей за учебники, чтобы
иметь возможность передать
знания детям;
этих русских женщин,
по-матерински встретивших
детей из Ивановского интердома.
Дети — наше будущее.
И единственная гарантия,
что оно состоится,—
сегодняшняя забота о них.

М. ШИШКИН,
Л. ОГАРЕВ (фото),
наши специальные
корреспонденты

ДОРОГА В ФОНД МИРА

На компрессорной станции «Софиевская», которая строится на линии газопровода Уренгой — Помары — Ужгород — Западная Европа в 30 километрах от Черкасс, к встрече готовились все, от начальника стройки до работника столовой. Ждали не высоких гостей, ждали обыкновенных бетонщиков. Обыкновенных, впрочем, не совсем. В течение недели здесь работала бригада французских комсомольцев, членов Движения коммунистической молодежи Франции. Это была третья трудовая акция ДКМФ в Советском Союзе. В 1981 году французские комсомольцы были на БАМе, клали рельсы. В 1982 году работали в Курской области, на Михайловском горно-обогатительном комбинате. И вот теперь десять молодых французских коммунистов влились в ударный комсомольско-молодежный республиканский отряд «Дружба». Все заработанные деньги ребята решили перечислить в Фонд мира.

1. Песенка о песенке.
Маленький мальчик шел
по улице
И спрашивал маму и папу:
Почему листья зеленые,
а небо синее?
Почему есть богатые
и бедные?
Почему этот человек
с гитарой поет?
Малыш, ты хочешь знать,
почему я пою?
Я пою, потому что у меня
в руках гитара.
И еще потому, что у меня
в карманах пусто.
И еще потому, что уже была
одна Хиросима.
И еще потому, что ты идешь
по улице
И спрашиваешь маму и папу:
Почему листья зеленые,
а небо синее,
Почему есть богатые
и бедные,
Почему этот человек
с гитарой поет.

2. Песок забивается в глаза, в нос, хрустит на зубах. Ветер крутит по стройке сухой колкий снег и пыль. Мороз, а Венсан вытирает со лба пот. Дыхание вырывается из грудной клетки и остается в воздухе плотными кусками пара, не растворяясь. Опалубка готова, можно заливать бетон. Из-за облака пара появляется бригадир, громадный, крепко сколоченный Алефтин, и своими огромными руками машет в сторону вагончика. Перекур. На стройке Алефтин Обожин с самого начала. До этого прокладывал газопроводы в Сибири. Но такой бригады у него еще не было: все его плотники-бетонщики — французы.

В строительном вагончике жарко и тесно. Замерзшие пальцы плохо гнутся, и Венсан греет их на крошечной батарее. Когда пальцы начинают сгибаться, он берет гитару.

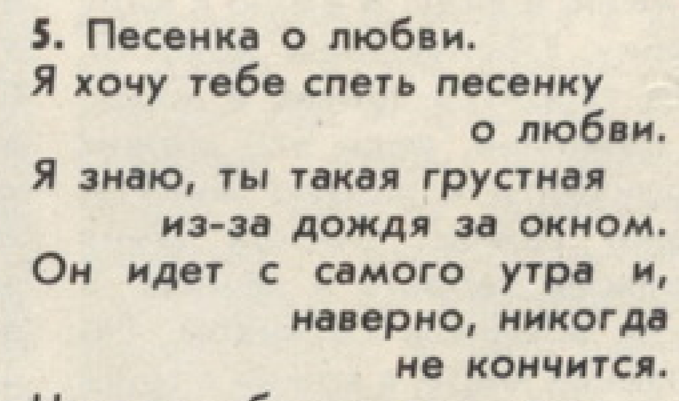
3. Говорит Жиль Геньер:

— Ты спрашиваешь, почему я сюда приехал? На этот вопрос можно ответить одной фразой, короткой и ясной, как утверждение, что Земля круглая, что дважды два — четыре. А можно объяснять долго. Пока не расскажешь всю свою жизнь. Так вот, я приехал сюда, потому что я революционер.

Да-да, именно поэтому. И еще много разных причин. Например, мой отец. Он был священником. Они поженились с моей матерью перед самой войной. Потом пришли фашисты. Отец стал участвовать в Сопротивлении. Через него шла связь подпольщиков с партизанами. Он спасал людей, за которыми охотилось гестапо. На него кто-то донес. Его пришли арестовывать, но они с моей матерью бежали и скрывались до самого освобождения. Когда война закончилась, отец перестал быть священником. Он вступил в коммунистическую партию. Моя мать коммунистка. Все три моих брата — Франсуа, врач в Сете, Мишель, служащий в Лилле, Клод, сценарист на телевидении в Париже,— коммунисты. Это я все рассказываю, почему я сюда приехал. Я стал коммунистом еще мальчишкой. Сам писал листовки, сотрудничал в коммунистических газетах. По образованию я филолог, преподаватель французского языка. Но найти работу невероятно трудно. Сейчас я живу в Сете и работаю в коммунистической газете «Марсельеза». Меня спрашивают, действительно ли я верю в то, что мы можем построить во Франции социализм. Не только можем, но и должны. Мы говорим людям: социализм — это работа для всех, образование для всех, жилье для всех, бесплатное медицинское обслуживание для всех. Нам возражают: вы хотите невозможного. Невозможного? И это когда миллионы людей уже живут в странах реального социализма! Отношение к вашей стране проходит у нас между людьми как граница. Мой отец всю жизнь хотел приехать в СССР. Эта страна была для него символом будущего человечества. Я тоже с детства мечтал приехать сюда. Но не туристом. Я не люблю туризм. Из окна туристического автобуса перед тобой промелькнут лишь памятники архитектуры, более или менее живописные пейзажи да выхваченные из уличной толпы лица. Турист никогда не узнает, чем живут эти люди, о чем думают, почему грустят, чему радуются. На официальных приемах и встречах людей по-настоящему не узнаешь. Это возможно, если только работать с ними вместе, греться с ними в одном строительном вагончике. Я приехал сюда, чтобы самому, своими глазами убедиться, что дает людям реальный социализм. Знаете, в чем главное отличие ваших рабочих от наших? У наших всегда чувствуется страх. Пусть совсем маленький, крошечный, но страх. Страх потерять работу, страх перед хозяином, страх за завтрашний день. У ребят, с которыми я работаю здесь, на стройке, я ничего этого не заметил. У них глаза людей, уверенных в том, что жизнь их не подведет.

4. От Киева до Черкасс 200 километров. Три с половиной часа на автобусе. Венсан достал гитару и стал петь. Ему подпевал весь автобус. Потом ребята устали, а Венсан пел все три с половиной часа. Во время короткой остановки шофер автобуса подошел к Венсану и хлопнул его по плечу: «Молодец, парень, хорошо поешь! Ну а по-нашему, по-русски, можешь?» Венсан запел «Клен ты мой опавший...».

На V Всемирном фестивале молодежи и студентов, проходившем в 1957 году в Москве, мать Венсана была в составе французской делегации. Она подружилась с советской девушкой. Письма из Москвы приходили на русском. Она решила, что сын будет изучать этот язык.

Венсан работает бухгалтером в Траппе. Бухгалтер — не самая романтическая профессия на свете. Больше всего Венсан любит петь. И музыку и слова для своих песен Венсан пишет сам.

Телогрейки, валенки, ватные штаны в первый момент показались экзотикой. Но после целого дня работы на морозе под пронизывающим ветром к этому не очень элегантному костюму появилось заслуженное уважение. Поэтому и позировали в спецодежде с особенным удовольствием.

5. Песенка о любви.

Я хочу тебе спеть песенку
о любви.
Я знаю, ты такая грустная
из-за дождя за окном.
Он идет с самого утра и,
наверно, никогда
не кончится.
Но для тебя я остановлю
его.
Дождь, замри!
Видишь, капли застыли
в воздухе шариками,
Их можно взять на ладонь.
В лужах замерли круги.
Кто еще остановит для
тебя дождь?
Вот и получилась
коротенькая песенка
о любви.
А дождь все идет.

6. Их привезли на стройку. Поле от горизонта до горизонта. На одной стороне неба идет снег, на другой светит солнце. Ледяной ветер пронизывает насквозь. За унесенной шапкой Венсан бежал метров пятьдесят. Французов встретил Петр Ефремович Бомко, начальник строительства. «Ну что, ребята,— сказал он.— Работа тяжелая. На таком ветру придется находиться весь день. Мужчины будут работать на газокомпрессорной станции, сбивать опалубку, заливать бетон. Девушки пойдут в бригаду, которая ведет дорогу к станции, укладывать бетонные плиты. Нам эта дорога вó как нужна!» — и он рубанул рукавицей воздух.

На ветру они жались кучкой и прыгали. Петр Ефремович Бомко, недоступный в своем кожухе никаким ветрам, смотрел на их французские курточки. Замерзли

совсем ребята, подумал он. Надо быстрей вести их греться. Тут кто-то из них что-то буркнул в шарф, и все засмеялись. Он сказал, перевел Венсан, что нужно быстрей начинать работать — холодно.

7. Потом было превращение.

Волшебным ящиком стал обыкновенный строительный вагончик.

Они вошли туда и через пятнадцать минут вывалили гурьбой — в телогрейках, касках, валенках.

В программу первого дня входило только знакомство со стройкой и примерка спецодежды. Но они решили сразу идти работать.

8. Лионелю Агутэну сейчас 19 лет. Анн Пепэн — 24. Венсану Лиешти — 24, но скоро будет 25. В их бригаде есть еще один парень, которому 24 года. Всегда.

Он едва успел окончить пехотное училище и стал лейтенантом. В июне 1941 года Василий Порик оказался в окружении и попал в плен. Вместе с другими красноармейцами его отправили на угольные шахты во Францию. Он бежал из Бомонского лагеря и создал партизанский отряд, сражавшийся с фашистскими оккупантами на севере Франции. Раненного, его схватили и заключили в тюрьму Сен-Никез в Аррасе. Он совершил отважный побег и продолжал партизанскую борьбу. В июле 1944 года он попал в засаду эсэсовцев и погиб.

Они приняли Василия Порика в свою бригаду.

9. Говорит Лионель Агутэн:

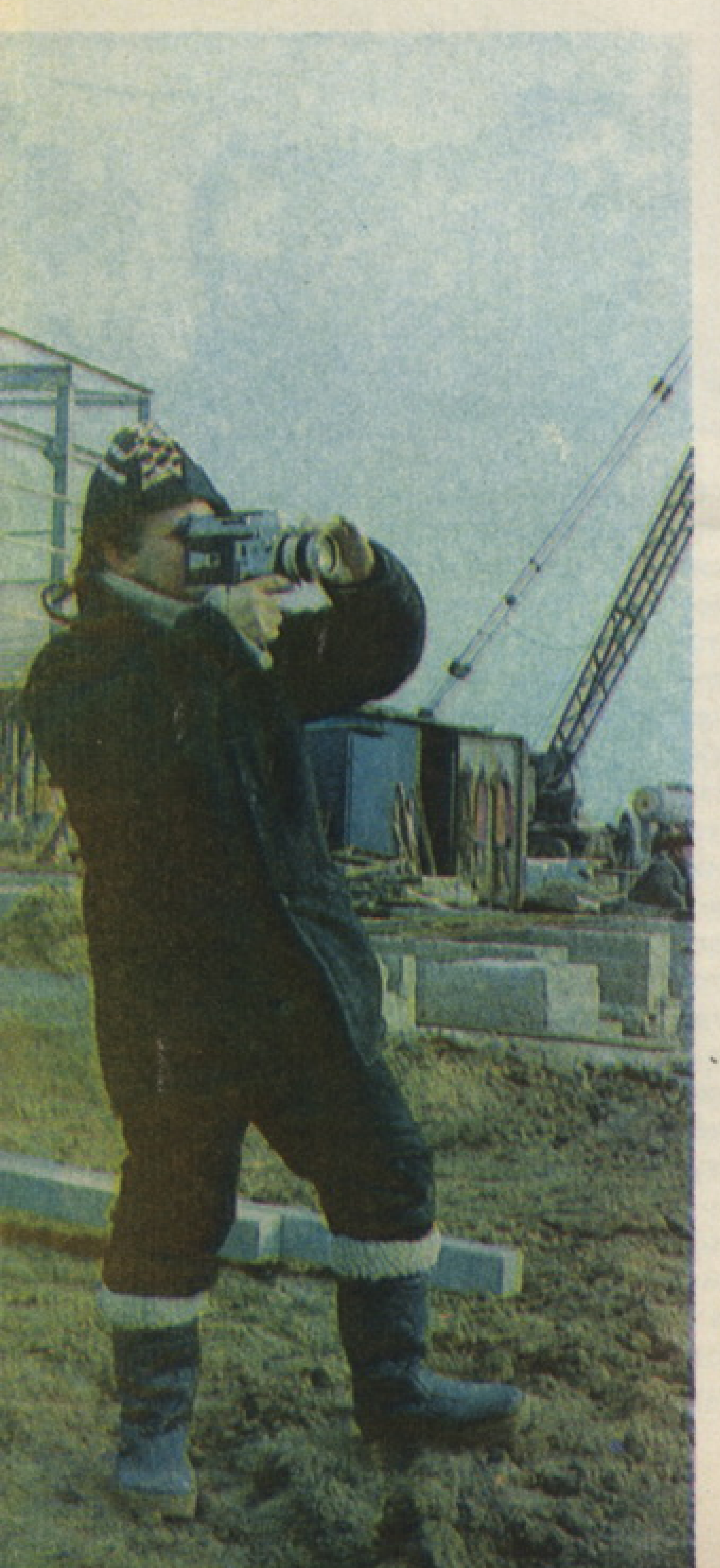
— Я повар. Не похож? Конечно, принято, чтобы повара были толстыми, а я худой как щепка. Может быть, годам к сорока и обзаведусь положенным животом, но пока — увы. Еще у меня есть хобби. Я летаю. Да-да, летаю на маленьком самолетике в аэроклубе нашего городка. Я живу в Траппе. Стоишь весь день у плиты и только о том и думаешь, как в воскресенье залезешь в кабину, возьмешь в руки штурвал и улетишь в небо. Это самые счастливые для меня минуты, когда я лечу. Все снизу такое маленькое: и дома, и улицы, и поля, и люди, и их заботы. Потом вылезаешь из кабины, и все начинается сначала. Я иногда мечтаю — вот взлетел, полетал немного, приземлился, а тут все вдруг переменилось. Все, кто искал работу,— ее нашли. Кто хотел учиться — учится. У кого не было дома — обрел его. И так далее. Но только такого никогда не будет. Хотя нет, я неправильно сказал. Такое обязательно будет, но только за это надо бороться. Поэтому я пришел в ДКМФ. И еще. Когда я там, в воздухе, в голове иногда крутится дурацкая мысль. А вдруг, пока я тут летаю, там, на земле, началось. Вы понимаете, что я имею в виду. Я имею в виду войну. Послушаешь новости, что творится сейчас в мире, и думаешь, ведь это может произойти в любую минуту, даже сейчас. Весной меня должны забрать в армию. Я буду военным летчиком. По крайней мере, в армии я тоже хочу летать. И я боюсь, понимаете? Потому что война уже идет по всему миру. А что будет завтра — никому не известно. И вот чтобы завтра ничего страшного не произошло, нужно бороться сегодня, сейчас. Это только кажется, что, если люди гибнут не рядом, а за тысячи километров от тебя, это еще не опасно. Я считаю, что если люди погибают где-то в Сальвадоре, или на Ближнем Востоке, или в Северной Ирландии, то это меня тоже касается. Наш Трапп, особенно по вашим масштабам, совсем крошечный город. И от него, в общем-то, ничего не зависит, устраиваем мы там демонстрации против американских ядерных ракет или нет. Но на самом деле это не так. Потому что если во всех городках мира, таких, как наш Трапп, люди выйдут на улицы и скажут: нам не нужны новые ракеты, нам не нужно, чтобы люди умирали ни в Ливане, ни на Гренаде, нигде, если они скажут: нам не нужна война, ведь это же должно заставить Рейгана и всех, от кого это зависит, задуматься, в конце концов. У нас сейчас идет самая настоящая война — война за умы людей. Мы сражаемся, чтобы привлечь людей к социализму, потому что социализм — это мир. А буржуазные газеты, журналы, телевидение, радио с утра до ночи забивают людям мозги, что социализм — это зло, социализм — это несвобода, социализм — это война. Если показывают по телевизору вашу страну, то это обязательно военные парады, танки, ракеты, военные корабли. Они стараются вдолбить, что СССР — милитаристская держава, что Советы готовятся к войне, что русские люди по природе своей агрессивны и поэтому Западу нужно вооружаться. Мы ходили в гости к русским ребятам, с которыми вместе работаем. Мишель Павия, Луик Фунно и я, мы пошли к нашему великану, как мы его прозвали, к нашему бригадиру Алефтину. Он показывал нам, как он живет. У него золотые руки, он дома все делает сам. У него две дочки, Ира и Вика. Он смастерил для них двухэтажную кровать. Мы жарили шашлыки. Получилось что-то вроде конкурса. У него жена армянка, и он жарил шашлык по-армянски, а у меня свой, личный рецепт. Мы не говорим по-русски, они не понимают по-французски, и когда мы туда шли, боялись, что будет как-то неловко, а потом ели шашлыки, и все хохотали, потому что нам было легко. Я вернусь домой и скажу им: дураки, вы просто не видели русских, если говорите, что они все делают, чтобы втянуть мир в войну. Я, когда узнал, что можно поехать на строительство этого газопровода, сразу вызвался. Ведь этот газопровод — символ нормальной жизни людей разных стран, символ сотрудничества. Это не просто трубы, по которым идет газ. Эта стальная ниточка свяжет два мира. Когда я работаю здесь, я сражаюсь против войны. Я строю здесь мир, да-да, вот этими руками.

10. Говорит Петр Ефремович Бомко:

— Я водил их тогда в первый день по стройке, а у самого внутри точил червячок — ну вот приехали они к нам на Софиевскую из Франции. Это ведь не на демонстрацию ходить, тут работать надо, вкалывать, пахать, как говорится. А они ведь вон, кто бухгалтер, кто машинистка. Ведь иногда бывает — забьют символический гвоздь, дадут интервью в газету — и вся трудовая акция. Но тут сразу видно, ребята — настоящие работяги. По ним сейчас и не скажешь, что раньше на стройке не работали. Без отбитых молотком пальцев поначалу, конечно, не обошлось, но выкладываются ребята до конца. Устают так, что засыпают прямо в автобусе. Хотел я им вчера после работы объявление сделать, залезаем все в автобус, не успели они места занять, смотрю — уже все спят. Одно слово, стоящие ребята. А я ведь у них во Франции был, премировали меня за отличную работу. Красивая страна, ничего не скажешь. Мы все хотели замок Иф посмотреть. Приехали в Марсель, и вот незадача, погода испортилась, на море волнение, и пароходики туда не ходят. Представляете, во Франции был, а замок Иф так и не посмотрел.

11. Говорит Анн Пепэн:

— Мой отец мебельщик. Он делает очень красивую мебель. Когда я была маленькой, я любила приходить к нему в мастерскую и смотреть. Это было настоящее чудо. Я так и говорила отцу — ты волшебник. Там было много старинной, очень красивой мебели, и я играла, что это мой замок. У нас дома никогда такой мебели не было. Когда я окончила школу, я стала безработной. Вы не можете себе представить, что значит быть безработной. В поисках работы я бегала с утра до ночи. Чтобы как-то прожить, я временно устраивалась в ресторанах судомойкой или уборщицей. Но самое страшное — это ощущать себя безработным. Это чувство трудно с чем-либо

сравнить. Если ты безработный — ты ненастоящий, ты идешь уже вторым сортом. У нас во Франции очень любят безработных. Я имею в виду — хозяевам выгодно иметь за воротами толпу готовых на любую работу людей. Сейчас мне удалось устроиться машинисткой. Заработки маленькие, а цены на жилье высокие, и поэтому мы живем коммуной, еще две моих подруги и кошка. Симона работает в больнице

На снимках: слева — Жиль Геньер в свободную минуту не расставался с кинокамерой. Справа — Тьери Англь, Анн Пепэн, Венсан Лиешти, Луик Фунно.

уборщицей. Вероника — секретарша. Мы все активистки ДКМФ. Мы организовываем демонстрации протеста против увольнений, против роста цен, против безработицы, собираем подписи под мирными воззваниями, участвуем в Маршах мира. Вероника хорошо рисует. Она все время придумывает новые плакаты. А для демонстрации против американских ракет мы сшили себе балахоны, изображающие смерть в виде ракет, и так ходили по улицам. Мы используем все средства, чтобы привлечь людей к нашему движению, например, распространяем «Авангард» — центральный орган ДКМФ. Я беру целую пачку, сколько могу унести, и хожу по домам. Я звоню в каждую квартиру. Иногда дверь захлопывается у меня перед носом. Но чаще люди проявляют интерес к нашему делу. И так каждый день. За каждого человека приходится бороться. Один знакомый парень, мы вместе учились в школе, так и не смог найти себе работу. Он отчаялся и стал панком. Я встретила его на улице и повела к нам, мы устраивали тогда праздник «Юманите». Я притащила его насильно в прямом смысле слова, взяла и притащила. Нам как раз не хватало ребят продавать на ярмарке книжки, значки, открытки. А у него прирожденный актерский талант. Он стал так зазывать публику, что у его стенда собралась целая толпа. Теперь он у нас в первичной организации ответственный за массовые мероприятия. Я никогда не думала, что буду когда-нибудь работать на стройке в России, да еще в такой холод. Мой Монпелье совсем рядом со Средиземным морем, и там всегда тепло. Когда я узнала, что можно поехать в СССР работать на газопроводе, я сразу решила — еду. Ведь ваш газ у нас в Европе — это значит, что кто-то получит работу, это новые рабочие места. Это то, за что мы боремся. Мы строим здесь дорогу к компрессорной станции, она очень нужна. Каждый день дорога уходит все дальше и дальше. Вечером, после смены, я иду по ней и думаю: вот я иду по моей дороге. Без моей дороги не будет компрессорной станции. Без станции не будет газопровода. Газопровод — тоже дорога. Как любая дорога, он ведет от людей к людям. Вот чтобы построить эту дорогу, я сюда и приехала.

12. В строительном вагончике жарко и тесно. Ветер царапает снаружи оконные стекла снегом и пылью.

Алефтин бережно помогает Венсану засунуть гитару в чехол. Ребята натягивают телогрейки, валенки, нахлобучивают каски, выходят на мороз и идут, хрустя валенками по снегу, строить газокомпрессорную станцию, дорогу, мир.

13. Песенка почтальона.

В нашем маленьком городке
Маленькие улицы
и маленькие дома.
Я приношу в эти дома
письма и телеграммы.
Я приношу в эти дома
горе и счастье.
Люди ждут меня и боятся,
Будто я приношу не письма
или телеграммы,
А само счастье
и само горе.
Я хотел бы, чтобы
в конвертах в моей сумке
Было только счастье.
Но я всего лишь почтальон
в нашем маленьком городке.

14. Французские комсомольцы перечислили в Фонд мира 520 рублей, заработанных на строительстве газопровода.

...На прошлой неделе, где-то на Среднем Западе, парень гулял с девушкой, угощал ее содовой в киоске на углу, а через шесть месяцев он, морской пехотинец, убивал безоружных женщин и детей во Вьетнаме. Как происходили такие превращения?

Терри Уитмор

— Сколько вам лет?
— Двадцать два.
— Где вы родились?
— Мемфис, Теннесси.
— Вы поступили на службу добровольно?
— Да. Я хотел на флот, но мне говорят: «У нас очередь» — и тычут в нос список каких-то имен. Не знаю, была там очередь или нет, но мне показали список и сказали, что меня не возьмут.
— Может быть, вас не зачислили, потому что вы черный?
— А я тоже так подумал, но точно не знаю. Потом пришел этот тип из корпуса морской пехоты, синяя форма, квадратная челюсть, и запел, как выгодно вступить в «маринс». Он сказал: «Слушай, если хочешь встретить рождество дома,— а я люблю встречать рождество дома, это мой любимый праздник,— иди к нам. А в сухопутных тебя сразу заберут. А если вступишь в морскую пехоту, у тебя есть три-четыре месяца». Был октябрь, и он все соблазнял меня: «В сухопутных тебя сразу загребут. А я дам тебе три-четыре месяца. Смотри не проворонь такой шанс». Не успел я глазом моргнуть, как эта лиса вез меня за город, в лагерь новобранцев. Так я влип. А потом на крылышках в Южную Каролину, Паррис-Айленд.

Бут кэмп [1] — вот куда я попал. В словаре это выражение не ищите. Это ад, только раза в два-три похуже. Ди-айс [2] так задавили нас, что дышать и то проси разрешения. Душ разрешался три раза в день, но не когда нужно, а когда прикажут. Весь день мы только и слышали: «Убивать!» Эти слова «убивать, убивать, убивать» попросту вдалбливали в нас. Нас называли как угодно, только не «маринс».

Из книги Марка Лейна «Разговоры с американцами».

[1] *Учебный лагерь; «б у т» — пинать, ботинок (англ.), также — новобранец (сленг).— Здесь и далее примеч. ред.*

[2] *Инструктор боевой подготовки (ДI).*

Отрывок из книги Марка Лейна, которым начинается подборка этого номера, представляет собой собрание разговоров автора с американскими морскими пехотинцами — «маринс», прошедшими через позорную для США вьетнамскую войну. «Маринс», как свидетельствует история, были на острие копья едва ли не всякий раз, когда Соединенные Штаты замахивались на очередную жертву. Чтобы понять, зачем американский империализм бросал и бросает в бой отборные войска, надо познакомиться с политическими установками для этих авантюр. Вот одна из них, относящаяся к началу века. «Мы должны,— гласит она,— повиноваться зову крови и захватить новые рынки, а если необходимо, и новые земли... По предначертанию всевышнего неполноценные цивилизации и хиреющие расы должны исчезнуть... перед лицом более высокой цивилизации благородного и более зрелого типа людей». Сегодня американские идеологи и политики редко бывают настолько же откровенно циничны. Сегодня цинизм переместился в другую плоскость: черное беззастенчиво выдается за белое, и старые неизменные и низменные цели прикрываются пространными речами о «сохранении мира», о «защите идеалов свободы и демократии» и т. д. и т. п. А за этим бесстыдством красивых слов все та же жажда захватов «новых рынков», уничтожения «неполноценных цивилизаций», утверждения господства «более зрелого типа людей».

И как и прежде, для подлого дела нужны подлые люди, для совершения преступлений — квалифицированные преступники. Империализм сотнями и тысячами готовит их в военных лагерях, таких прежде всего, как лагеря «маринс», вдалбливая в головы будущих «освободителей» и «миротворцев» нехитрую формулу: враг — существо неполноценное и потому его надо убивать без всяких угрызений совести.

Но преступление можно совершать своими руками, а можно руками наемников. Таких наемников — от рядовых бандитов из «эскадронов смерти» до диктаторов-«горилл» — готовят тоже на базах Пентагона. В программу подготовки входят разнообразные теоретические курсы — от основ антикоммунизма и психологической войны до теории подавления городских вос-

слышали: «Убивать!»

Марк ЛЕЙН,
американский журналист

1964—1975. Вьетнам

Под дулом пулеметов и автоматов, под пытками и на веревочном аркане тянули к «демократии» вьетнамцев головорезы из американских войск «специального назначения».

станий и партизанских движений. И все они покоятся на фундаменте «прикладной науки» — убивать. Насколько огромны размеры трагедии страны, где орудуют наемники ЦРУ и Пентагона, можно понять, если в полной мере оценить масштаб цинизма североамериканских инструкторов, называющих истребление сальвадорцев «обезвоживанием рыб».

Преступления всегда нуждались во лжи. Нахальной, калибра не меньшего, чем снаряды с линкора «Нью-Джерси», обстреливающего Бейрут, и лжи изощренной, постепенно и исподволь изображающей убийц и преступников простыми, добродушными и даже участливыми людьми. Образец такого рода лжи продемонстрировала газета «Нью-Йорк таймс» во время агрессии Израиля против Ливана. Она, естественно, нигде не писала, что ее симпатии на стороне убийц; она просто день за днем делала все, чтобы симпатии читателя остались на стороне «лучшего друга» США — агрессоров из Израиля.

Оболванивание обывателя — не просто прикрытие для состоявшихся или происходящих на наших глазах акций агрессии и насилия. Оболванивание — это и своего рода подготовка из «простых ребят» будущих «маринс», «зеленых беретов», «коммандос», этап в превращении их в преступников. Не прошло и десяти лет с того дня, как последний американский солдат забрался с крыши посольства США в Сайгоне в последний улепетывавший из страны вертолет, и вот такой же солдат — в такой же американской форме и такой же молодой — откровенничает на гренадской земле. Он стоит неподалеку от своего посольства, потому что на маленькой Гренаде все неподалеку, и бахвалится тем, что он, солдат из 82-й авиадесантной дивизии, завтра будет там, где захочет его президент.

Для справки. Сегодня 82-я авиадесантная передислоцирована в Гондурас, поближе к границе с Никарагуа. Как известно, США давно уже долларами, оружием и наемниками поддерживают необъявленную войну против этой страны. Теперь к ее границам подтягиваются армейские части и флот. Преступление против мира и жизни продолжается; головорезы-наемники брошены в бой, свои — ждут команды.

Ди-айс обзывали нас девушками, кошечками и какими угодно последними словами, только не «маринс». В первый же день я увидел, как инструктор избивал ребят — с размаху по лицу. Я ошалел. «Проклятье, куда я попал?» — подумал я.

Все ди-айс были отъявленные головорезы: «Убивать, убивать, убивать!» С этим словом «убивать» мы засыпали. Перед сном нас заставляли прочесть вслух молитву. Она была отпечатана и висела на стене казармы, каждый должен был помнить ее наизусть. «Убивать» — это слово стало частью нашей жизни. «Маринс» — это убийцы»,— говорили нам инструкторы, и мы пели хором: «Мы убийцы». Они говорили, что «маринс» высшие из всех военных. У нас был курс по истории корпуса морской пехоты. Нам рассказывали про сражения: «Помните, как за дело взялись «маринс» и вызволили этих сухопутных крыс». И так каждый день, приятель. «Если бы не «маринс», не было бы Америки».

После бут кэмпа я, теперь настоящий морской пехотинец, всех гражданских и других военных стал считать ублюдками. Если ты не в «маринс», детка, ты ничто. Я пробыл в бут кэмпе три месяца. «Маринс» пуля не берет»,— говорили нам. Но столько парней полегли во Вьетнаме. Потом меня перевели в Лежен, Северная Каролина. Теперь я считался морским пехотинцем — понимаете, что это значит? Значит, я могу свернуть тебе шею, приятель. Меня этим пропитали, изнасиловали мой мозг.

За три дня до конца отпуска, когда я должен был отбыть в Норфолк для несения морской службы, домой пришла телеграмма: мне приказывали вернуться в Лежен. Я знал, что это значит: Вьетнам. Но я не мог сказать матери. «Мама, я возвращаюсь в Лежен. Наверное, еще поучат, как кричать «убивать», а потом все будет в порядке». Она сказала: «Нет, сынок, тебя отправят во Вьетнам». Я сказал: «Нет, нет, поучат, и все».

В Лежене мне сразу выложили: «Надеюсь, ты догадался, что едешь в Хотнам? [1]». Я перепугался до смерти, но не

[1] *Хот — жаркий (англ.).*

подал виду, а сказал: «О'кэй, я поеду туда и прикончу пару-другую узкоглазых». Я помню, как в бут кэмпе ди-айс сказал нам: «Вы пойдете на войну, вы пойдете на эту грязную, вонючую войну, и вы будете воевать, потому что вам не хочется, чтобы эти красные пришли сюда и разрушили нашу страну, не так ли?»

Эд Трератола

— Откуда вы родом?

— Хантингтон, Лонг-Айленд.

— Вас призвали или вы пошли в «маринс» добровольно?

— Я вступил в корпус морской пехоты добровольно, чтобы потом поступить в летную школу.

— Вы записались в «маринс» сразу после школы?

— Да.

— Потом бут кэмп?

— Да. Паррис-Айленд.

— Расскажите, как проходило обучение.

— Нас ни на секунду не оставляли одних. Без сопровождения инструктора нас не выпускали за ворота. Даже письма мы вскрывали лишь под его присмотром. Над нами измывались, заставляли бегать с песнями про то, как мы убиваем вьетконговцев. Каждый раз в столовой мы должны были орать: «Убивать, убивать, убивать!» Только после этого нам разрешалось сесть за стол. Если мы орали недостаточно громко, нас гнали к перекладине, заставляли подтягиваться и прочее. Нам говорили: «А это вам за любовь к вьетнамцам».

— А что за песню вы пели?

— Мы бегали вокруг казармы и пели: «Вьетконг, Вьетконг. Убивать, убивать, убивать. Буду убивать, буду убивать, потому что это весело, потому что это весело». Мы молились о продолжении войны, чтобы «маринс» были при деле, потому что война — это наша работа.

— Что вам запомнилось больше всего?

— Курс по выживанию в условиях зимы. Я часто вспоминаю, как в класс вошел инструктор, в его руках был белый кролик, он его гладил, а мы смотрели и гадали, что все это значит. Потом он сказал: «Итак, ребятки, вам нужно кой-чему поучиться, если хотите выжить в мороз». И он оторвал кролику голову и ободрал шкуру. Жестокость нам демонстрировали постоянно. Когда инструктору вздумывалось нас бить, мы должны были стоять по стойке «смирно». Нас загоняли в душевую. Тридцать человек в душевую, рассчитанную на двенадцать. Нас заставляли надевать резиновые накидки, включалась горячая вода, и инструкторы лили в душ нашатырный спирт. Нас заставляли драться друг с другом. Если мы дрались хорошо, нас выпускали раньше. Поэтому мы избивали друг друга до полусмерти.

— Что вы думали про Вьетнам?

— Все хотели во Вьетнам. Для нас он был как упражнение со штыком. Инструктор говорил: «Коли» — и ты втыкаешь штык в чучело. Он говорит: «Убей» — ты проворачиваешь штык. Через некоторое время ты действительно хочешь убивать. Инструкторы преподносили это как нечто интересное, приятное. Через некоторое время ты уже не сопротивляешься, ты сдался.

Чак Онэн

— Сколько вам лет?

— Двадцать.

— Вы попали в корпус морской пехоты сразу после школы?

— Практически да. Через несколько месяцев после окончания школы.

— Где проходила ваша боевая подготовка?

— На многих базах. Меня включили в спецгруппу морской пехоты. Это элитарная единица — как «зеленые береты» в армии. Они называли нас группой усиления и разведки.

— Вас обучали технике ведения допроса пленных?

— Да.

— Где?

— На всех базах, где мне пришлось побывать. Но в последний месяц перед отправкой во Вьетнам особенно.

— Вас учили, как пытать пленных?

— Да.

— Как?

— Есть множество способов.

— Например?

— Например, приказать пленному снять ботинки и бить его по кончикам пальцев. По сравнению с другими способами этот самый безобидный.

— Каким другим способам вас обучали?

— Уже год, как я пытаюсь это забыть.

— Каким другим способам вас обучали? Приведите еще пример.

— Нас учили пытать с помощью рации. Нам показали, куда прикреплять электроды.

— Показали?

— На доске были вывешаны отпечатанные наглядные пособия, изображавшие, как пытать мужчин и женщин.

— У вас были особые рекомендации, как пытать женщин?

— Да.

— В чем они заключались?

— Они очень садистские. Я не хочу об этом говорить. Зачем об этом говорить? Я пытаюсь забыть, хочу навсегда выкинуть из головы...

— Чему еще вас научили?

— Как вырывать ногти.

— Как?

— Плоскогубцами.

— Каким другим пыткам вас научили?

— Разным. С помощью бамбука.

— Например.

— Его загоняют под ногти, в уши.

— Что еще?

— Нам объясняли, как вскрывать фосфорные бомбы, извлекать фосфор и как его применять.

— Как?

— Его, например, кладут на глаза.

— Рекомендовались ли другие химические вещества?

— Да. Си-Эс.

— Как учили применять его? Это порошок?

— Да, пока не детонирован. Нам объяснили, как вскрывать контейнеры с Си-Эс. Его рекомендовали в качестве яда для пленных. Мучительная смерть.

— Вас учили допрашивать с помощью вертолета?

— Да.

— Как это делается?

— В воздух поднимают несколько пленных, одного из них сбрасывают вниз, после чего у оставшихся пленных, говорили нам, развязываются языки.

— Вам говорили о пытках с помощью вертолета?

— Нам как анекдот рассказывали, что однажды привязали пленного к двум вертолетам и разорвали его в воздухе.

— Кто рассказывал?

— Один инструктор. Сержант.

— Он сказал, что сам видел это?

— Он сказал, что сам сделал это.

— У вас был специальный курс по подобному применению вертолетов?

— Нас учило множество инструкторов. Нам объяснили, например, как, выбрасывая пленного, не вывалиться самому. Рекомендовали привязывать пленных к полозьям вертолета и лететь поверх деревьев. В результате пленные получают глубокие раны от ветвей.

— Как часто у вас были подобные уроки?

— В среднем пять часов в неделю в течение шести месяцев.

— Как реагировали на эти уроки новобранцы?

— Положительно. Они даже рвались во Вьетнам, чтобы там применить полученные знания. Инструкторы преподносили все под таким соусом, что это казалось соблазнительным — как вы понимаете, в грязном смысле слова. Можно убивать и прочее.

— Вы с самого начала хотели дезертировать?

— Нет, поначалу я был настроен довольно воинственно. Но на заключительном этапе обучения меня стало тошнить от всего этого: они зашли слишком далеко.

— Что вы делаете в Стокгольме?
— Учу французский язык. Со следующего года начну занятия музыкой — по классу гитары и композиции. Я уже закончил курсы шведского языка.

Джеймс Адамс

— Сколько вам лет?
— Двадцать один.
— Чем вы занимались до того, как вступили в корпус морской пехоты?
— Два года учился в колледже.
— Как проходила ваша военная подготовка?
— Когда однажды меня спросили об этом — я был в отпуске дома,— я сказал, что предполагал самое худшее, так оно и вышло.
— Где вы находились, когда известие о Сонгми [1] стало достоянием общественности?
— На базе Лежен.
— Вы были шокированы?
— Нет. Я лишь удивился, что все это вышло на свет. Я не был шокирован, потому что всегда предполагал нечто подобное: об этом можно было догадаться по тому, как нас учили. Мы отрабатывали тактику захвата неприятельских позиций. После обстрела, учили нас, вы приступаете к «прочесыванию». Основные силы быстрым шагом продвигаются вперед — шагом, не бегом. Останавливаться нельзя. Ничто и никто не может служить причиной для остановки. Если ранили друга, оставь его, это дело санитаров, говорили они, не ваше дело. Вы должны идти не останавливаясь. Вы идете, не прекращая огня. Если ваш автомат заклинило, вы должны починить его на ходу. Вы зверски орете. Вы стреляете во все, что находится в вашем секторе огня. Вам заранее определяют сектор. Вы палите во все, что находится в нем, во все, что движется, неважно, что это. «Если вы поравнялись с раненым врагом,— учил инструктор,— лежащим на земле, не оставляйте его, не оставляйте ни одного увиденного вами раненого в живых. Проткните штыком, или, как говорил инструктор, «отрежьте ему голову», или, по крайней мере, «влепите очередь». Как бы то ни было, позаботьтесь о нем. Но не останавливайтесь. Не останавливайтесь, чтобы оказать помощь или взять в плен. Просто убейте и идите дальше, продолжайте стрелять во все, что движется в вашем секторе огня. Поэтому я не был поражен, когда узнал о Сонгми.

Наш инструктор говорил, что единственная сложная штука — приучить «маринс» к мысли о необходимости убивать детей. Особенно новичков, впервые попавших во Вьетнам. Большинство из них симпатизируют детям. Такое у американцев воспитание. К тому же у многих «маринс» есть свои дети. Но вьетнамские дети, объяснял инструктор, научили американцев остерегаться их. Эти дети вдруг становятся минами-ловушками, едва вокруг них собирается достаточно «маринс». Они взрывают гранату и сами погибают вместе с нашими морскими пехотинцами. Другой инструктор пошел еще дальше. Он сказал, что с вьетнамскими детьми у них не было никаких проблем. Если они входили в деревню, симпатизировавшую партизанам, и видели детей, то угощали их «печеньем» — похоже на вафельное печенье. Его делали из С-3 или С-4 — пластиковая взрывчатка, которую мы применяем во Вьетнаме. Она ядовита. Это печенье скармливали детям, дети ели и умирали. Инструктор сказал нечто вроде: «Об этом не стоит болтать, не так ли, лейтенант?» И лейтенант, к которому он обратился, сказал: «Конечно. Я сам так делал».

Джон Зребик

— Вы записались в корпус морской пехоты добровольно?
— Да.
— Сколько вам тогда было лет?
— Восемнадцать.
— Вы не закончили среднюю школу?
— Нет.
— Вы были в бут кэмпе?
— Да. Сан-Диего, Калифорния.
— Расскажите, как проходило обучение.
— Чего я только не натерпелся — с самого первого дня. Первые две недели были самые тяжелые. Часто кого-нибудь из нас ди-айс заводили в сарай.
— Зачем?
— Чтобы бить.
— А вас били?
— Да. Я не уложился во время. Понимаете, нужно влезть по канату, скажем, за пятнадцать секунд, а я влез, скажем, за семнадцать. Так я оказался в сарае, и ди-ай спросил, почему я не уложился во время. Что я мог сказать? Я устал и потому не успел. Вот они и избили меня.
— Вам нанесли увечья?
— В тот раз нет. Но однажды мне разбили колено.
— Как это случилось?
— Это случилось на стрельбище. Я стрелял из положения лежа. Мои колени должны были находиться в определенной позиции: одно прижато к земле, другое приподнято. А у меня то, которое нужно было прижать, было приподнято, и наоборот. Мне так удобнее целиться. Мимо проходил сержант. Когда он это увидел, то ударил ногой по моему приподнятому колену. В глазах у меня потемнело. Мне было очень больно. Я не мог ходить.
— Что случилось потом?
— Я попал в морской госпиталь в Лонг-Бич. Колено было разбито.
— Вы пожаловались офицеру?
— Лейтенант Джонсон не тот человек, чтобы выслушивать жалобы. Он предупредил, что, если я хоть кому-нибудь об этом скажу, он мне не завидует. Он сказал: «Забудь про свое чертово колено».

Билл Хаттон

— Что вы делаете в Пендлтоне?
— Работаю инструктором по тактике. Также являюсь членом комиссии по соблюдению человечности. Комиссия создана в соответствии с официальным решением по корпусу морской пехоты. В мои обязанности входит выявлять инциденты, имевшие место в нашем батальоне, и разрешать возникшие при этом проблемы. Но начальство не идет нам навстречу. Человечность во взаимоотношениях нам отчаянно необходима, но начальство отказывается уважать человеческие права, отказывается признать, что у людей могут быть проблемы. «Вы «маринс» — вы звери», говорят они, ни при каких обстоятельствах вы не должны показывать, что у вас есть какие-то проблемы. Нам постоянно твердят: «Какие у вас могут быть проблемы?» или «Почему бы вам не вести себя как подобает мужчине?» Такова политика во всем корпусе.
— Вы были в бут кэмпе?
— О да. Запомнил на всю жизнь. Весь день вы бегаете по лагерю и орете: «Убивать, убивать» и прочее. И потом приходит время, когда не можешь поступать или говорить иначе. Это становится твоим «я». Как правило, всякий, кто прошел через бут кэмп, является идеальным материалом для войны. Если бы на войну посылали сразу после бут кэмпа, в руках генералов был бы самый идеальный материал. В их руках была бы самая идеальная и эффективная машина убийства. И это так, вне сомнения. Вас систематически унижают, лепят из вас то, что устраивает хозяина, а при малейшем сопротивлении бьют... Знаете, почему «маринс» не применяют при усмирении гражданских волнений?
— Почему?
— Боятся, что «маринс» не сдержатся. Нас не пускают в такие города, как Детройт и Лос-Анджелес. У меня есть большое подозрение, что, если после всей этой подготовки «маринс» доверят контролировать крупный очаг гражданского недовольства, они обязательно убьют порядочное число мирных граждан. Желание убивать — у них почти реакция, импульс. С ними обращаются как со зверями и от них хотят, чтобы они поступали как звери.

Перевел с английского
В. СИМОНОВ

[1] *16 марта 1968 года около 500 жителей вьетнамской деревни Сонгми были расстреляны, постройки сожжены, домашний скот и посевы уничтожены.*

«Готова, поехали...»

Рене — самоотверженнейший из всех врачей. У него я научился не пасовать в ситуациях самых безнадежных. Мы даже решили: когда вернемся на родину, напишем такую книгу — «Пособие по медицине в антисанитарных условиях».

Едва я включился в работу, как мне пришлось ассистировать Рене в операции легкого. Пациента звали Клаудио, его лихорадило, он был почти без сознания. На две скамейки мы положили широкую доску, накрыли простынями, стерилизованными в котле, который ставили в печку, топившуюся дровами, и оперировали на таком «столе». Вскоре я почувствовал, что по моим ногам ползают какие-то насекомые. Инстинктивно я потерся о край доски, придерживая при этом вскрытую грудную полость, которую «чистил» Рене.

Немыслимо. Я готов был отчаяться, опустить руки, но Рене как ни в чем не бывало продолжал оперировать — лишь все больше капелек пота выступало на его лбу, и они блестели в луче фонарика — нашей «операционной лампы». Всякий раз, когда у Клаудио спирало дыхание, другой ассистент, Карлос, делал ему какой-то укол. Карлос физиолог, но сейчас вынужден стать анестезиологом. Наконец Рене сделал все, что было в его силах, и мы зашили полость. К этому времени совсем стемнело.

Потом мы оперировали Тома, у которого неправильно срослась кость ноги. Деревянным зубилом мы раздробили кость. Мышцы ноги успели так сократиться, что нам пришлось их растягивать. После долгих усилий нам все же удалось скрепить кость.

Сенель — сальвадорка, в госпитале дель Френте [1] уже три месяца. Сначала она работала в больничной кухне, затем освоила обязанности медсестры и теперь помогает нам. Однажды она рассказала мне свою историю:

— Меня схватили во время демонстрации и бросили в тюрьму. На следующий день меня привели в маленькую комнату, где стены были забрызганы кровью. Меня спросили, откуда я родом. Я сказала. Тогда мне сказали, что монсиньор Ромеро [2] мой земляк и что я наверняка должна знать, где прячутся руководители партизан. Я не знала. Меня избили и пригрозили, что посадят в камеру к уголовникам. «Ты узнаешь, что это такое»,— сказали они. Мне было 14 лет. Прошло еще два дня. Ночью меня подняли, заткнули рот тряпкой и бросили в закрытый фургон. Потом в него затолкали еще шестерых. Я лежала под ними и не могла пошевелиться. Мы ехали около получаса, затем машина остановилась, и первую из нас вытащили наружу. Ее о чем-то спросили, затем я услышала оскорбления, ее избивали, вдруг раздалось несколько выстрелов, стон, и мы поехали дальше. То же самое случилось с остальными, пока я не осталась последней. Потом выволокли из фургона и меня. Один из солдат прицелился из пистолета мне в голову, остальные вернулись в машину. «Приканчивай ее скорей, уже светает»,— сказали они. Я боялась шевельнуться, кляп по-прежнему был во рту. Я зажмурила глаза. Два выстрела грохнули у меня над головой. «Готова, поехали»,— сказал солдат. Когда я открыла глаза, я увидела отъезжающий фургон. Я продолжала лежать без сил и очень боялась, что солдаты вернутся.

Вдруг я услышала шаги и увидела, что мимо идет старик. Он на меня не обратил внимания, потому что был уверен, что я мертва. Когда я пошевелилась, он испугался и бросился бежать. Но потом старик вернулся и развязал меня. Он дрожал от страха и все время озирался по сторонам. Он ска-

[1] *Имеется в виду патриотический Фронт национального освобождения имени Фарабундо Марти (ФНО).— Здесь и далее примеч. ред.*

[2] *Архиепископ Сальвадора Оскар Ромеро был убит в марте 1980 года во время проповеди членами «эскадронов смерти», одним из руководителей которых является председатель конституционной ассамблеи Р. д'Обюссон.*

Наши дни. Сальвадор

«Голос Америки» сообщил, что мартовские выборы в Сальвадоре «выявили высокую активность населения, которая свидетельствует о тяге к истинной демократии». Вот иллюстрация этой «тяги». Иллюстрация точна, потому что это сцена каждого дня — до, во время и после выборов.

Ван дер ВИН,
голландский врач

зал, что мне нужно поскорее оттуда уходить, потому что утром там бывали солдаты, и посоветовал никому не рассказывать о случившемся.

После того как в шесть утра мы раздали больным молоко, вдруг зазвонил церковный колокол — сигнал об опасности. Приближаются солдаты? Прочесывание местности? Ложная тревога?

В любом случае мы уходим из деревни. И госпиталь и жители. Нас прикрывает небольшой отряд партизан. Я знаком почти со всеми, каждый знает меня. Нас около двух тысяч человек. Женщины тащат в узлах все свои пожитки, старики опираются на палки. Особенно много детей. Некоторым нет еще и пяти, но они несут на спинах младших братьев и сестер. Пока тихо. Вдруг вдали — треск перестрелки. Значит, отряд вступил в бой с правительственными солдатами. В нем не более тридцати бойцов.

Нас преследуют так называемые «антипартизанские отряды, обладающие большой огневой силой». Несколько месяцев назад они прибыли из США, где их готовили к «поголовному истреблению населения». Такую стратегию американские «специалисты», набившие руку во вьетнамской войне, цинично называют «обезвоживанием рыб». Без помощи населения партизаны — это «рыбы, выброшенные на сушу».

Сейчас сезон дождей. Моя одежда промокла насквозь. Я не знаю, кто я — «рыба», «вода»? «Они нас не видят, поэтому они нас не убьют»,— успокаивает меня один из санитаров. Если мы попадем в западню, женщины и дети станут первыми жертвами. Мы идем вдоль реки. Я умею плавать и, если повезет, наверное, смогу спрятаться под каким-нибудь водяным растением, думаю я и осматриваюсь, куда спрятаться при необходимости.

Цель операции ясна — загнать нас в западню, где уже наверняка наготове пулеметы. Впереди мы видим лес. Мы пробираемся к нему по колено в грязи.

...В небольших гамаках, натянутых между ветвей, женщины баюкают детей. Дети все время плачут от холода и голода. Этот плач всем действует на нервы: так нас могут обнаружить. У меня есть снотворное — каждому плачущему ребенку я даю по полтаблетки. Доза большая, но в данном случае лучше больше, чем меньше.

Через три часа стемнеет, и мы будем в безопасности. Каждые десять минут я смотрю на часы. Чтобы время не тянулось так медленно, я разговариваю с санитарами, женщинами, стариками. Вдруг неподалеку застучали выстрелы винтовок, раздались взрывы снарядов. Все вскакивают и глядят по сторонам. Нам некуда деваться. Если нас обнаружат, темнота нам уже не поможет...

Мы снова идем. Все молчат. Мои ботинки утонули в грязи. Жадная, зловонная, отвратительная грязь, она стянула с нас сотни стоптанных башмаков. Ветки хлещут по лицам. Грязь доходит до колен, детям до бедер. Нет, они уже не дети — у них совсем не детские лица. Они — взрослые, вот только грязь доходит им чуть выше, чем мне. Им не нужны ботинки: у них их никогда не было. Война для них не более война, чем для нас. Разве что в их лицах более видна вся ее несправедливость, хотя страха в них нет — одна печаль.

Хусто стоит у края ручья. Одного за другим он переносит детей на противоположный берег. Весь в лохмотьях, он выглядит как обычный крестьянин, хотя он и староста деревни. Я помогаю ему. Мы стоим по разным берегам по щиколотки в воде и помогаем перебраться всем двум тысячам человек и каждого ободряюще похлопываем по плечу. Мы идем дальше, в молчании, во мраке ночи.

Мы вырвались из окружения. Измученные люди расстилают на сырой траве куски целлофана. По крайней мере, здесь нет грязи. Те, у кого есть оружие, стоят на посту или отправлены в разведку. Остальные спят, набираются сил. День прошел.

К утру мы подходим к реке. Здесь мы действительно в безопасности и можем постирать одежду в прозрачной быстрой воде. Каждому есть чем заняться.

В госпиталь пришел Элисео. У него пулевое ранение в правый глаз. Ему повезло, он уцелел во время массового расстрела жителей его деревни, ему удалось бежать, потом он прятался от армейских патрулей. Но за эти три дня место, где был его глаз, заразили личинки мух. Инфекция проникла даже в носовую полость. Чтобы все это вычистить, придется как следует потрудиться.

Затем пришел Педро. Ему тоже удалось бежать после ареста. При побеге его ранили в обе ноги, он полз, и ему вдогонку летели пулеметные очереди. Товарищ, который был с Педро, попал в плен. Через три дня по пути к нам Педро нашел его на дне ручья. Без головы.

Мы готовимся оперировать Альберто. Ему раздробило кисть пулей. Покуда он прятался от солдат, рана загноилась и теперь причиняла ему невыносимые страдания. На третий день он постучался в маленький домик, где жила одна старушка.

— У вас не найдется мачете? — спросил он.

— Конечно, найдется.

— Вы не отрежете мне руку?

— Да, конечно,— ответила женщина и отрезала ему кисть руки. «С тех пор болит гораздо меньше»,— говорит Альберто. Нам приходится ампутировать всю руку, я отдаю ему пол-литра своей крови.

Сесилия приходит уже под вечер. С нею отец и мать. Правая рука изуродована пулевым ранением и заражена инфекцией. Приходится ампутировать. Девочке девять лет. Ее сестру, которой было пятнадцать, застрелили у нее на глазах. В тот день солдаты убили сто пятьдесят человек. Солдаты все еще рыскают по окрестностям, и отец не может похоронить убитую дочь.

Мириам работает в нашем госпитале. Как-то мы вместе ходили в соседнюю деревню, чтобы рассказать жителям об инфекционных заболеваниях. По дороге Мириам показала мне на близлежащий холм: за ним жила ее мать. Когда бывало спокойно, она ходила ее навестить. Однажды я застал Мириам плачущей. Ей сказали, что ее мать убили. Провокатор донес, что ее дочь у партизан.

Мухи ползают по лицу, лезут в глаза, но все стоят не шевелясь. Сейчас шесть часов вечера — минута молчания. Ежедневное поминание героев и мучеников Сальвадора. Различие простое: убитые в бою — герои, убитые без оружия в руках — мученики.

Жертв войны много. Я сам насчитал около тысячи расстрелянных мирных жителей. Это жертвы только тех экзекуций, со свидетелями которых я разговаривал и очевидцев которых я лечил. В очень маленьком районе этой

страны. Сколько же будет продолжаться это безумие?

Когда я зашел на кухню, Льюп сразу догадалась, что мне плохо. Продолжая месить тесто для лепешек, она тихо сказала: «Нам нельзя быть сентиментальными. Мы не можем отказаться от того, чего уже добились,— тогда все наши жертвы были бы напрасны».

Льюп работает на кухне госпиталя с тех пор, как привела к нам свою дочь, Сесилию. Девочка потеряла много крови, и жизнь ее по-прежнему в опасности.

Каждый день мы осматриваем рану, инфекция проникла глубоко. Я даю Сесилии что-нибудь болеутоляющее, но мы не в состоянии обеспечить необходимую анестезию каждому больному. Крики девочки терзают душу. Кляня негодяев и преступников, которые вытворяют все это, я набираюсь решимости причинить ей новую боль и срезаю ножницами куски отмерших тканей.

Давид — военный комендант района. Он играет на скрипке во время праздников, и люди танцуют. Все зовут его Папита — маленький папа.

Однажды он сопровождал меня на один из вызовов. Мы проходили через деревушку, и, поскольку я когда-то работал там в госпитале и знал окрестности так же хорошо, как и местные жители, я упомянул ее название. Давид с удивлением посмотрел на меня и сказал: «Здесь они убили моего отца и младшего брата. Я не знал, что это и есть та деревня».

Мы спросили у женщины, моловшей зерно на большом плоском камне, не знает ли она, где здесь в прошлом году были убиты старик и мальчик.

— Конечно, знаю. Недалеко отсюда, у ручья. В этом доме сидели три солдата. Внезапно они услышали, как люди идут к ручью за водой. Солдаты сказали, что это партизаны, и вышли из дома. Через некоторое время мы услышали выстрелы. Убитый старик, по-моему, был отцом того, кого здесь зовут Папита.

— Да,— сказал Давид,— это был мой отец. Не мог бы кто-нибудь точно показать нам, где это произошло.

Нас проводил маленький мальчик. «Отец»,— тихо прошептал Давид. Из-под камня в ручье торчала кость. Он аккуратно уложил кость под камень. Неподалеку на берегу ручья мы нашли рваную материю. «Эти брюки были на отце, когда я видел его в последний раз». Давид оторвал кусочек тряпки и пробормотал: «Буду чистить свой пистолет...»

Перевел с английского
А. КОБЫЛЬЧЕНКО

«Итак, на чьей стороне ваши симпати...

Кэрол СКУИЕРС,
американский журналист

1982. Ливан

Вот так Израиль «отодвигал» свою северную границу, оставляя на земле Ливана разрушенные города и деревни, трупы Сабры и Шатилы. «Нью-Йорк таймс», однако, убеждает читателей: истинные жертвы в Ливане — это дружелюбные, симпатичные израильтяне.

В понедельник седьмого июня заголовком на всю полосу газета «Нью-Йорк таймс» объявила о начавшейся агрессии Израиля в Ливане.

Как и всякая американская газета, «Таймс» использует сложную систему заголовков, иллюстраций, подписей и текстов, которые призваны «играть друг на друга», выражая настроение, мнение, внешне при этом позволяя сохранить абсолютно нейтральную позицию. Политические новости могут быть иллюстрированы довольно стандартными фотографиями. Но и они функционируют нацеленно. Фото, помещенное под заголовком «Таймс» от седьмого июня, одно из таких. Типичный документальный снимок: израильский бронетранспортер пересекает ливанскую границу. Здесь же карта, на которую нанесены линии ударов израильских танков и пехоты.

«Беспристрастный» кадр подразумевает «обычность» происходящего. Карта создает у читателя иллюзию «участия». Одновременно переносит войну в сферу абстракций: атакующие войска и воздушные удары обращаются в маленькие стрелки, атакуемые города — в черные точки. С самого начала конфликта читатель чувствует себя информированным в военном отношении. По карте он может проследить развитие операции, карта подтверждает, что война идет в обычной для войн манере. Таким образом карта и снимок убеждают читателя в рациональности войны и что в дальнейшем война будет столь же рационально прогрессировать.

На другой фотографии палестинцы волокут тело израильского пилота по ливанскому городу Сайда. Ее смысл: бессердечные варвары палестинцы не уважают смерть (и они еще говорят о праве на жизнь!). Израильтяне только что вторглись в Ливан, но фотография говорит нам о том, что жертвами являются израильтяне же.

Три дня спустя вверху полосы появляется маленькая нечеткая фотография, на которой бойцы национально-патриотических сил Ливана направляют ракеты на израильские позиции. Под ней крупным планом мать и сестра израильского солдата, убитого в Ливане, рыдают на его похоронах. Здесь же фотография ливанцев, загружающих свой домашний скарб на грузовик. Мы чувствуем симпатию к ливанской семье, вынужденной покинуть родной дом, однако задача у фото несколько иная: по крайней мере они живы, вся семья, в то время как израильская семья оплакивает погибшего. Опять, если верить фотографиям, в первую очередь от войны страдают израильтяне.

Уже на первой неделе агрессии стало ясно, что Израиль намерен форсировать военные действия. Образ израильского солдата в «Таймс» претерпевает значительные изменения. Потери и жертвы израильтян отходят на задний план. Израильские солдаты изображаются как отличные парни, которых радушно встречают ливанцы. Десять дней спустя после начала агрессии в «Таймс» появляется фотография израильтян в ливанской парикмахерской. Мы дивимся, какие все дружелюбные. Ливанские

парикмахеры бодро обслуживают захватчиков. Оплата производится израильскими деньгами, говорит подпись под иллюстрацией. Несколько дней спустя в газете была напечатана фотография израильских солдат за покупками в ливанском магазине. Они улыбаются человеку за прилавком. Крупный заголовок: «Израильтяне в Ливане: планируются новые валютно-обменные и таможенные центры». Жирный шрифт. Статья рассказывает, что израильтяне открыли три новых таможенных пункта на ливанской границе; таким образом уже сейчас война несколько улучшила экономическое положение ливанцев. Израильские солдаты, улыбающиеся ливанскому торговцу, символизируют будущее полное обновление экономики Ливана.

Вскоре появилась еще одна фотография доброго израильского солдата в Ливане: он опустился на колени и предлагает флягу с водой ослепшему сирийскому военнопленному. Что хотел сказать «Таймс» этой фотографией, думаю, не нуждается в пояснениях. Добавлю лишь, что кадр поразительно похож на постановочный.

В текстах, иллюстрируемых подобными фотографиями, расписывается радушный прием ливанцами израильских агрессоров. Люди машут руками, улыбаются солдатам, бросаются к ним с цветами.

Несколько фотографий посвящены израильтянам-купальщикам. Как правило, они иллюстрируют тексты, в которых рассказывается про досуг израильских солдат среди кошмара войны. На одном из таких снимков израильские солдаты загорают у бассейна гостиницы. К ней история, в которой фигурируют ливанский официант, который вежливо держит автомат израильтянина, и администратор ресторана, преподносящий розу благодарному клиенту. В тяжелые времена всякие вещи случаются, но в «Таймс» они разрастаются до особой символической значительности. На подобных эпизодах «Таймс» делает постоянный акцент, подменяя мысль сантиментом и окрашивая в романтические цвета действительность войны.

Одновременно «Таймс» продолжает регулярно публиковать стандартные снимки военных действий. Это постоянство приучает читателя к нормальности, даже рутинности происходящих событий. Израильские солдаты стреляют в бойцов ООП, те в израильских солдат, а между тем израильские бронемашины упорно продвигаются все дальше в глубь страны. Снимки сделаны с большого расстояния, печатаются малым форматом и рассчитаны на слабый эмоциональный отклик в читателе. Солдаты выглядят как крошечные куклы над театральной ширмой. Большинство фотографий израильских бомбардировок сделаны с еще большего расстояния — лишь бледные шлейфы дыма, поднимающиеся над «объектом».

Последствия израильских бомбардировок показываются с разнообразными вариациями, но тема всегда одна и та же — картины мусора. Его раскапывают. Мимо мусора идут парочки. На мусоре играют дети. Семья смотрит на мусор — то, что осталось от их дома. Нейтронная бомба наоборот! Дома разрушены — но никто не пострадал. Одно из примечательных свойств фотографий «Таймс»: отсутствие убитых и раненых, хотя массовые разрушения налицо.

Но вот один из немногих снимков, показывающий реальные человеческие жертвы. На переднем плане лежит человек, погибший от взрыва автомобиля, рядом другой, согнувшись, жестом просит о помощи. В подписи к снимку говорится, что никто до сих пор не признал ответственности за взрывы автомобилей в Западном Бейруте. «Таймс» предоставляет читателю самому домыслить элементарно напрашивающийся вывод: взрывы автомобилей — дело рук террористов, ООП — террористы, автомобили взрывает ООП.

Ошеломляющий контраст с фотографией, помещенной на той же странице: израильский солдат делится водой с сирийским военнопленным. Видя такую доброту, мы просто обязаны проникнуться уважением к израильскому солдату и еще большим негодованием против «террористов».

Перевел с английского
В. ГАВРИЛОВ

1983. Гренада

Восемь лет спустя после Вьетнама

В головы американских десантников прочно вдолбили, что, если кого-то ведут под дулом автомата, его ведут к «свободе» и настоящей «демократии».

Синди ХОУЗ,
корреспондент газеты «Дейли уорлд»

— Потрясающее, фантастическое приключение! Мы освободили страну. Мы вытряхнули оттуда всех коммунистов. Я сам прикончил, по крайней мере, семерых. Я чувствовал себя прекрасно, а сейчас — еще лучше: я удовлетворен и горд. Мы очистили остров и как поработали! — взахлеб говорит молодой американский солдат мексиканскому журналисту Рамону Жимено.

Жимено побывал в Форт-Брагге, Северная Каролина, и взял интервью у троих джи-ай [1] и офицера, участвовавших в «первой за послевоенное время успешной операции 82-й дивизии» — вооруженном вторжении на Гренаду.

82-я дивизия — главная десантная сила в западном полушарии, в Форт-Брагге — ее штаб-квартира. Отсюда американские солдаты могут быть переброшены в любую точку земного шара всего за восемнадцать часов. Шесть часов пятнадцать минут им понадобилось, чтобы скатапультировать на берег Гренады.

В Форт-Брагге обучаются сверхспециализированные части, такие, как «зеленые береты», здесь готовят экспертов по партизанской и психологической войне. В панамских джунглях проводятся учебные бои с использованием настоящих бомб и патронов. Устраиваются учения, как, например, «Храбрый орел», в которых приняли участие двадцать пять тысяч человек. Сейчас они потеют где-то во Флориде, отрабатывают «захват латиноамериканской страны».

Именно эти силы, обладающие специальной подготовкой и новейшим вооружением, были брошены на захват Гренады.

— Все было сработано как надо,— говорит американский джи-ай ликующе.— На вертолетах нас перебросили в горы... ну да — в горы. Мы замаскировались, потому что знали: сопротивляющиеся попытаются укрыться именно здесь. Мы прятались в горах, когда на следующий день я увидел двух человек. Я приготовился, тра-та-та-та-та! — и они покатились вниз.

— Самое замечательное — это атака,— добавляет другой.— Нам разрешили хватать все, что хотим: брать вещи из домов коммунистов! Таков закон войны... это было здорово!

— Я участвовал в захвате кубинского посольства,— рассказывает третий джи-ай.— Мы крушили все подряд — двери, столы — все, что попадет под руку. Мы забрали все виски... отличное виски, черт побери.

Самый разговорчивый объясняет Жимено, что и в остальных домах жителей острова они вели себя так же:

— ЦРУ сказало нам, в каких домах живут коммунисты [1]. Мы там все подчистую уничтожили. Даже перестреляли всех цыплят и свиней. Мы основательно почистили эту страну, будьте спокойны; мы освободили эту страну!

— Спасибо ЦРУ,— добавляет другой.— Они хорошо поработали и все рассказали нам. Они навели нас на дома коммунистов.

Заметив неодобрительное выражение лица журналиста, офицер спросил:

— Тебе что, не нравится? А знаешь ли ты, что в следующий раз мы можем прийти куда захотим и сделать то же самое. Какое нам вообще дело до того, что думают любые латиноамериканские президенты. Важно, что думает наш президент, президент США.

Перевел с английского
В. ВЛАДИМИРОВ

---

[1] *Так называют рядовых американской армии.— Примеч. ред.*

[1] *Понятно, что термином «коммунисты» ЦРУ пользуется широко, в зависимости от им самим надуманных обстоятельств.— Примеч. ред.*

ВИКТОР
ПРЕРВАННАЯ ПЕСНЯ

Джоан ХАРА

В конце октября 1961 года Виктор вернулся в Сантьяго. Мы с Мануэлой ждали его на балконе аэропорта, он вышел из самолета в новой куртке цвета хаки, с гитарой, весь обвешанный подарками. Увидев нас, он пустился в пляс прямо на летном поле.

И вот началась наша жизнь вместе... Мы были очень разными людьми. Виктор — спокойный, уравновешенный, мне же время от времени требовалась основательная ссора. Но он каким-то образом умудрялся укрощать взрывы моей слепой ярости, садился рядом и старался разобраться, что меня так взбесило, и часто кончалось тем, что мы оба смеялись, потому что причины действительно были смехотворными. Только благодаря ему я смогла установить вполне разумные и дружелюбные отношения с Патрисио, а ведь это было так важно и для Мануэлы, и для нашей совместной с Патрисио работы, а Виктор ее очень ценил.

Один из друзей Виктора, архитектор, посоветовал нам посмотреть домик в районе, который он как раз застраивал: он говорил, что домик этот очень прочный — факт немаловажный в стране, где часто бывают землетрясения. Дом, сложенный из белого кирпича, с зелеными ставнями на окнах, стоял в глубине квартала, здесь было очень тихо, и после шумной улицы казалось, будто вы попали в совсем другой мир. Двор был завален камнями, и мы сами расчищали его, перекапывали, выдирая из земли жестянки и ржавые железки, сажали деревья и цветы.

С годами наш двор превратился в настоящие джунгли: бамбук, бугенвиллии, глицинии, которые росли здесь быстро, как сорняк, мимоза, кустарники с юга Чили, плющ, серебристая береза. Под крышей поселились ласточки, и летними вечерами они с криком кружили над домом; в саду порхали разноцветные колибри, и когда над дальними горами начинали клубиться облака, птички куэлтехью хлопали крыльями и нагоняли дождь...

Летом мы ели на улице, под мимозой. Днем солнце палило нещадно, но как хорошо было по утрам и особенно вечером, когда каменный пол террасы отдавал накопленное за день тепло. Больше всего я любила поливать сад, я стояла босиком на пересохшей за день земле, и она жадно впитывала воду, и пахло влажной землей — каждый, кто жил в жарком климате, знает, как прекрасен этот запах,— и мокрой листвой, и жимолостью. Из дома доносились звуки гитары, и в полутьме комнаты я с трудом могла разглядеть Виктора. А потом, когда на небе начинали загораться звезды и воздух над горами был особенно чист, мы сидели в гамаке и разговаривали...

Я была счастлива. Я ждала ребенка. Как отличалось это ожидание от того, первого — рядом был муж, старшая дочка, я погрузилась в это ожидание, забыв обо всех заботах. Мануэле было тогда четыре с половиной года, но до сих пор она помнит, каким счастливым голосом Виктор объявил ей, что у нее есть сестренка, Аманда.

Виктор был очень привязан к Мануэле. Она росла, превращалась в веселого и умненького человечка, и Виктор действительно чувствовал себя ее отцом, и, когда позже журналисты спрашивали его о семье, он смущался: ему трудно было сказать, что у него две дочери.

А Мануэла не видела ничего странного в том, что у нее два отца, но позже, ей тогда было лет пять, соседский мальчишка просветил ее по поводу необычности такого положения. Она стала очень сухо обращаться к Виктору и называла его не «папи», как раньше», а «тио», что значит «дядя». Когда мы поняли, что произошло, Виктор как-то сумел убедить ее, что он для нее такой же отец, как и Патрисио, и нет ничего зазорного в том, что она тоже, как и Аманда, будет звать его «папи».

Продолжение. Начало см. в № 3, 4, 5 за 1984 год.

Виктор был очень хорошим отцом. Он умел делать вещи, которые требовали нежности и крепкой руки: промывать разбитые коленки, вынимать занозы, стричь ногти на ножках. После всего того, что он испытал в детстве, для Виктора очень важно было это ощущение своего собственного счастливого дома. Шло время, и любовь наша становилась все прочнее, и Виктор все ответственнее относился к жизни. Он работал, работал для достижения того, что считал в этой жизни главным.

В театре и в песне

Надвигались выпускные экзамены на режиссерском факультете. Всего за два месяца Виктор должен был поставить целый спектакль. Сомнений в выборе пьесы не было: конечно, Виктор будет ставить новую работу Алехандро Сивекинга.

Пьеса дышала ароматом магии, верой крестьян в сверхъестественное, в то, что мертвые могут вновь появляться среди живых,— все это напоминало Виктору его детство, к тому же действие происходило в городке Талаганте, что был неподалеку от его родной деревни.

Алехандро, хоть и был типичным буржуазным интеллигентом, очень интересовался фольклором, а дружба с Виктором помогла ему лучше понять народное искусство. Он научился уважать традиции народа, и крестьяне в его пьесах вовсе не походили на те карикатурные образы, которые существовали в пьесах других драматургов: девушка-крестьянка, ковыряющая в носу, типичный крестьянин — скорее глупый, чем простой.

В заброшенном доме живут духи пяти сестер, и вот здесь появляется молодой крестьянин, который принимает их за обыкновенных живых женщин... В программке спектакля Виктор писал: «Это очень простая история о любви, реальной любви, которая волною вздымается из глубин жизни и меняет все; о любви такой же простой, как крестьянская гитара, как дорога, как тополь, как цветок. Это история нашего народа, который умеет находить смешное во всем, даже в трагическом...» Музыку к спектаклю написал сам Виктор, ему помогали участники «Кункумена».

Премьера — то есть экзамен — состоялась в декабре 1961 года. Виктор получил самые высокие оценки экзаменационной комиссии, и — дело неслыханное — его пригласили в штат режиссеров Института театра [1]. Это означало не только возможность работать с профессиональными актерами, но и твердый ежемесячный заработок.

Виктор работал в Институте театра девять лет. Он ставил пьесы Брехта, современных английских и американских авторов и, что было для него самым важным, новые работы чилийских драматургов. Он завоевывал призы, его хвалили газеты — не только в Чили, но и во всех латиноамериканских странах и даже в США, его приглашали на международные театральные фестивали; он начал работать на телевидении, делал фильмы по своим собственным спектаклям и по спектаклям других режиссеров, преподавал в театральной школе, и его любили и уважали его ученики и коллеги, хотя иные и завидовали его быстрому росту.

Одним из фестивалей, на который Виктор возил свои работы, был фестиваль в Атлантиде, в Уругвае. Это событие было для Виктора очень важным, потому что он мог увидеть здесь постановки других латиноамериканских режиссеров (в те времена культурная изоляция стран континента была еще велика), и прежде всего спектакли Атахуальпы дель Чьопо из знаменитого театра Монтевидео «Эль гальпон».

Именно в Уругвае Виктор впервые встретился с Сальва-

---

[1] *Институт театра при Чилийском университете (основан в 1959 году на базе Экспериментального театра Чилийского университета) — в те времена ведущая театральная труппа страны.— Примеч. пер.*

дором Альенде и его женой, Ортенсией Бусси. Они оба очень любили театр, и чилийские участники фестиваля пригласили их на свою премьеру. После этого состоялся прием, и Альенде специально отметил Виктора, назвав его талантливым представителем нового поколения режиссеров.

До тех пор в Чили можно было скорее увидеть работы европейских и американских режиссеров, чем тот же «Эль гальпон». И вот в 1963 году Институт театра впервые пригласил поработать со своими актерами режиссера из другой латиноамериканской страны. Выбор, естественно, пал на Атахуальпу дель Чьопо, который должен был поставить брехтовскую пьесу «Кавказский меловой круг». Своим ассистентом Атахуальпа назначил Виктора.

В сложившейся в то время политической обстановке выбор пьесы «марксистской», пьесы, критиковавшей буржуазное общество и его ценности, казался вызывающим. Триумф кубинской революции продемонстрировал правителям всей Латинской Америки, насколько непрочны их позиции, и они сплотили ряды в борьбе против «марксистской заразы», призвав на помощь многонациональные корпорации и администрацию США. Так что постановка «Кавказского мелового круга» ведущим театром страны считалась — в зависимости от точки зрения — ударом в спину или же прорывом сквозь завесу политической цензуры. Альенде был в то время кандидатом от ФРАП [1] на предстоящих в 1964 году выборах. Он встретился с Атахуальпой сразу после его прибытия и предложил ему свою поддержку.

Альенде и сам стал объектом хорошо оркестрированной кампании по промывке мозгов избирателей: народ убеждали, что, если выберут Альенде, чилийских детей будут отрывать от родителей и отправлять на Кубу, дабы их там «распропагандировали», а Чили станет частью «советской империи». Вдруг весь Сантьяго оказался залепленным плакатами, на которых были изображены русские танки, врывающиеся в президентский дворец, и страдальческое личико плачущего ребенка. На президентскую кампанию лидера правого крыла христианских демократов Фрея была затрачена масса денег, причем ходили упорные слухи, что эти деньги дает ЦРУ. Лишь много лет спустя эти слухи подтвердились: тогдашний директор ЦРУ Уильям Колби признался сенату США, что возглавлявшаяся им организация действительно дала Эдуардо Фрею три миллиона долларов — лишь бы он не пропустил вперед Альенде.

Студенческая федерация организовала просмотр спектакля и дискуссию, на которую пригласили Атахуальпу, Виктора и других участников постановки. Атмосфера во время просмотра была так накалена, что, как вспоминал Атахуальпа, он видел, что половина аудитории жаждет провала столь же горячо, как вторая половина — успеха, но по причинам, которые не имеют никакого отношения к самой постановке. И тем не менее после окончания спектакля разразился гром аплодисментов, и снова Сальвадор Альенде и его жена были среди тех, кто пришел за кулисы поздравить виновников этого поистине исторического события в развитии чилийского театра.

Виктор не расставался со своей гитарой. Я даже немного ревновала: он относился к ней как к живому существу. Он играл, когда чувствовал себя подавленным, играл, когда был особенно счастлив, играл, когда ему было легко и когда хотел сбросить нервное напряжение. Он не знал музыкальной теории и не мог записать партитуры своих песен: он учился играть так, как учились все крестьяне, на слух. Он вынашивал сразу по две-три песни, и карманы его куртки всегда были набиты клочками бумаги, на которых он записывал слова, идеи приходили к нему где угодно: он сочинял в автобусе, на улице, за обедом, во время чтения газет.

В 1962 году Виктор записал с «Кункуменом» альбом народных песен. Это были песни, собранные по всей стране, и назывался альбом «Музыкальная география Чили». В него были включены и две собственные песни Виктора — «Голубка, я хочу тебе спеть» и «Песня шахтера».

В Чили, как и везде, существовало два взгляда на фольклор: одни считали фольклор статичным, чем-то вроде окаменелости, и эту «окаменелость» следовало изучать и хранить в музеях; другие, и Виктор в их числе, видели в народных песнях живое, современное средство выразительности, считали, что фольклор способен изменяться, развиваться, не отрываясь при этом от своих корней. В начале шестидесятых по этому поводу разгорались очень серьезные дискуссии.

В 1963 году Грегорио де ла Фуэнте, директор Дома культуры «Ньюньоа», расположенного на окраине Сантьяго, попросил Виктора вести у него студию народной музыки.

Тогда на окраинах Сантьяго и в близлежащих деревнях можно было еще встретить настоящих народных певцов, и Виктор со студийцами отправлялись туда по воскресеньям собирать песни. Возможно, методы Виктора были весьма ненаучными. Он не заставлял своих учеников составлять письменные анкеты, как это делали академические исследователи (что создавало барьер непонимания между учеными и полуграмотными крестьянами). «Исследователи» и «исследуемые» попросту попивали вместе вино и вместе пели. Эта работа была очень важна, потому что в Латинскую Америку

уже хлынул поток поп-музыки, поставляемой межнациональными фирмами грамзаписи.

В Чили пришла эра диск-жокеев. Дабы «соответствовать», чилийские певцы стали американизировать свои имена, так Патрисио Эрнандес стал Патом Генри, ансамбль «Лос Эрманос Карраско» превратился в «Каррз Твинз» и так далее. Из США явились поп-певцы, рекламировавшие продукцию своих фирм грамзаписи, а поскольку они были блондинистыми янки, успех был обеспечен. Большинство радиостанций — и центральных и местных — принадлежала коммерческим корпорациям и крупным землевладельцам, следовательно, все, что проникало в средства массовой информации, должно было получить поддержку правящего класса.

В соседней Аргентине президентом был издан закон, по которому половина всего эфирного времени отводилась аргентинским композиторам и традиционному фольклору. Это оказалось сильным стимулом к развитию народного музыкального движения, появилось множество новых групп — и традиционно-фольклорных и коммерческих, но все они носили четко выраженный аргентинский характер.

Волна аргентинской музыки захватила и Чили, создав мощный противовес песенкам, исполнявшимся на английском языке. Многие из этих аргентинских песен были весьма коммерческими и банальными, но они, по крайней мере, были латиноамериканскими и нашли в Чили благодатную почву. В немалой степени это объяснялось тем, что они соответствовали культурной и политической программе христианских демократов: это был приодетый фольклор, лишенный запаха нищеты и революции. Фольклор, в котором буржуа чувствовали себя вполне комфортабельно. В Чили стали создаваться подобные группы, самыми популярными из них

[1] *ФРАП — образованный в 1956 году Революционный фронт народного действия, в который вошли представители ряда партий, в том числе коммунистической и социалистической.— Примеч. пер.*

были «Лос Куатро Куатрос», прилизанные молодые люди в смокингах, и их дамский эквивалент, «Лос Куатро Брухас»: изящные, увешанные блестящими побрякушками особы с длинными наманикюренными ногтями.

Но интерес к подлинным народным песням рос. Их стали петь на демонстрациях, на предвыборных митингах союза левых сил. В 1964 году специально, чтобы принять участие в президентской кампании Альенде, вернулся из Европы Анхель Парра. Виктор и Анхель снова начали работать вместе, выступать в поддержку Альенде.

На выборах все же победили христианские демократы, и среди интеллигентов, поддерживавших Альенде, воцарилось уныние. Тем не менее многие артисты решили объединиться, чтобы создать альтернативу официальному искусству.

Анхель и Изабель открыли «Пенью де лос Парра» [1]. Она находилась в старом доме номер 340 по улице Кармен — это была довольно унылая улица, расположенная неподалеку от центра. Даже Анхель не мог предполагать, какую важную роль сыграет это его начинание в развитии песенного движения.

...Народная музыка была частью его жизни, а гитара — постоянной спутницей. В эти, такие напряженные годы, он продолжал расти как композитор и исполнитель, и со временем именно эта его работа стала для него главным средством общения с многотысячными аудиториями — с теми людьми, которые в театры не ходят...

Джоан Хара

Мы с Виктором пришли на улицу Кармен, 340, в один из первых дней. У входа не было никакого объявления, и если вы не знали точно, что здесь находится, можно было предположить, что это обыкновенный частный дом. Мы прошли по темному коридору и попали в две небольшие комнаты, уставленные деревянными скамьями и расшатанными столиками.

Из кухни слышались голоса. Я прошла туда и обнаружила там массу народа: жену Анхеля Марту, высокую яркую женщину, и мою приятельницу Фриду. Еще несколько человек разливали вино, подогревали эмпанадас, я сразу почувствовала себя как дома и включилась в работу. Потом начали прибывать певцы и публика, и к одиннадцати все места были заняты. Здесь было много знакомых лиц: писатели, ученые, артисты, преподаватели университета, политики,— было даже несколько христианских демократов, представителей левого крыла этой партии; множество молодых людей — студентов.

В «пенье» регулярно выступали Анхель и Изабель Парра, Роландо Аларкон, бывший музыкальный руководитель «Кункумена», и Патрисио Маннс, романтического вида юноша, родом из немецких поселений на юге Чили. Он был одновременно писателем, поэтом и композитором.

В тот первый вечер мы сидели вместе с Изабель Парра. Она некоторое время училась у меня в балетной студии, но я знала ее тогда не очень хорошо, а вот Виктор давно с ней дружил. Изабель мучилась от того, что, казалось, на всю жизнь была обречена носить ярлык «дочери Виолеты», и старалась найти свой путь в жизни. Но здесь, в крошечной «пенье», она чувствовала себя уверенней, и публика любила ее сильный, страстный голос.

Анхель был великолепным гитаристом. Он сидел, скрючившись, как бы оплетая собой гитару, и пел глубоким, хрипловатым голосом, казалось, что он даже старается подавить силу своего голоса. И вообще было непонятно, как в таком хрупком человеке могли таиться эмоции столь взрывной силы. А когда они пели вместе с сестрой, это был потрясающий дуэт — настолько гармонично сливались их голоса.

Изабель и Анхель много путешествовали, и они познакомили чилийскую аудиторию с песнями других латиноамериканских стран. Они привезли с собой множество народных музыкальных инструментов: венесуэльские куатро, колумбийские типле, инструменты с севера Чили, почти неизвестные в Сантьяго: куэны, чаранги, замповьи, бомбо — все эти инструменты принадлежали культуре альтиплано [1].

Вдруг в одной из пауз Анхель объявил: «Здесь, среди публики, присутствует мой друг, известный театральный режиссер Виктор Хара»—и сунул Виктору свою гитару. Виктор пел свои собственные песни, малоизвестные народные песни, которые нашел он сам, и, когда он кончил, тишина взорвалась аплодисментами.

Виктор принял предложение стать постоянным участником «пеньи», хотя и понимал, чего это ему будет стоить: он напряженно работал в театре, а здесь выступать надо было три раза в неделю и возвращаться домой в три-четыре часа ночи. Но дело того стоило. Он понимал, что только здесь можно было встретиться с единомышленниками, с людьми, которые знали толк в песне.

Виктор смог выпустить свой первый «сингл»: на одной стороне он пел североаргентинскую песню «Хозяюшка», на второй — «Сигарку», музыку он написал сам, а слова были народные. Совсем неожиданно эта пластинка стала «хитом», ее постоянно крутили по радио. Нас даже пригласили на большой эстрадный фестиваль в Винья дель Мар, где Виктору был вручен приз за самую популярную пластинку года.

Сразу же после этого Виктор выпустил вторую пластинку, на которой были записаны «Голубка...» и сатирическая народная песня «Красотка». Виктор уже исполнял ее в «пенье», и аудитория хорошо принимала эту полную юмора и озорной двусмысленности песенку. Но когда вышла пластинка, разразился скандал. Многие местные радиостанции запретили ее проигрывать, а отец Эспиноса, настоятель монастыря францисканцев, заявил в печати: «Я не желаю слушать эту вещь... И если ее запретили, это совершенно правильно, потому что это скандальная вещь. Я процитирую Христа: «Тот, кто возбуждает смуту, лучше бы и не рождался на свет совсем».

Виктор был и поражен и раздражен. Его много интервьюировали по этому поводу, и он сказал: «Я никогда не мог предположить, что абсолютно подлинная и старая народная песенка может вызвать такую реакцию. Люди, которые считают плутовские и остроумные народные песни слишком дерзкими и непочтительными, отрицают народное чувство достоинства, которое лежит в основе творчества... Во всем мире фольклор смешивает религиозные мотивы с языческими, ибо это отражает человеческий дух. И я не собираюсь изменять этот материал».

Бедный Виктор, сам того не желая, он оскорбил буржуазных моралистов. Телефон наш разрывался: звонили люди, угрожавшие Виктору, звонили те, кто хотел поддержать его. В «пенью» собирались толпы тех, кто раньше об этом заведении и не знал.

---

[1] *В Испании «пеньей» называли место, где собирались поэты; в Чили так называли что-то вроде кафе, где собирались исполнители народных песен.— Примеч. авт.*

[1] *Куатро — маленькая четырехструнная гитара; типле — двенадцатиструнная гитара; куэна — индейская бамбуковая дудочка; чаранга — струнный инструмент, дека которого сделана из панциря броненосца; замповья — тростниковая индейская свирель; бомбо — тип барабанов, характерный для северных районов Чили; альтиплано — так в Боливии и Перу называют плато в Андах, расположенные на высоте от 2 до 4 тысяч метров над уровнем моря.— Примеч. авт.*

Продолжение следует

Сокращенный перевод с английского
Н. РУДНИЦКОЙ

РЕКЛАМА ВСЕ ОБЪЯСНИТ. Полтора месяца работы трехсот «строителей», костюмы по заказу, утомительные репетиции (легко ли итальянцам талантливо сыграть толпу американцев?), наконец — «Камера!». Фильм, обошедшийся в 700 миллионов лир, длится 30 секунд, в течение которых выясняется, что Бруклинский мост потому такой устойчивый, что его подвесили не иначе как на резинке (жевательной) «Перфетти»...

При общем спаде промышленности рекламный бизнес круто идет в гору — в борьбе с конкурентами за редеющие ряды покупателей фирмы средств не жалеют. В Италии на рекламу тратится полпроцента национального дохода, в Англии — 1,3, в США — 2,3 процента. Реклама напориста, обольстительна и всезнающа. Не в состоянии она подсказать только одно: где в условиях кризиса и безработицы взять деньги на покупку рекламируемых товаров.

НЕПОСЛУШНЫЕ ДЕТИ ЧАПЛИНА. Чарли Чаплин знал, что за трудное это дело — кино, тем более кино смешное. Наверное, поэтому и не хотел, чтобы его дочери стали актрисами. Пусть, говорил Чаплин, они выберут серьезное и спокойное ремесло адвоката, врача... Но старшие, Жозефина и Джеральдина, пренебрегли советом отца и стали актрисами. Отец рассердился. Потом простил. Последней надеждой Чаплина была младшая Анни. Когда он умер в 1977 году, ей было шестнадцать. И вот прошло всего шесть лет, и Анни... снялась в своем первом фильме. «Мне кажется, папа понял бы меня...» — сказала она, подтвердив, как и старшие сестры, истину, гласящую, что в жизни пример родителей куда сильнее самых благих советов.

«ПОКА ВЫ В СРАЖЕНЬЕ...» Это рисунок сальвадорской девочки Селии, ей же принадлежит и надпись в углу: «Янки — вон из Сальвадора»... «Пока вы в сраженье — я не умру, ибо в сердцах компаньерос жив каждый павший в бою» — эти стихи были найдены на теле убитого солдатами Национальной гвардии сальвадорского студента. Стихи стали песней, которую написал американский музыкант Чарли Хэйден, а песня вошла в долгоиграющую пластинку «Баллада о павшем в бою», на конверте которой помещен рисунок Селии. В записи вместе с контрабасистом Чарли Хэйденом участвовали многие выдающиеся американские джазмены: тенор-саксофонист Дьюи Редман, трубач Дон Черри и другие. Этот состав — «Оркестр музыки освобождения» — выпустил уже вторую пластинку. Предыдущая вышла в 1969 году, на ней музыканты исполняли песни времен гражданской войны в Испании, инструментальную пьесу Орнетта Колемана «Сироты войны» и «Песню для Че Гевары» Чарли Хэйдена.

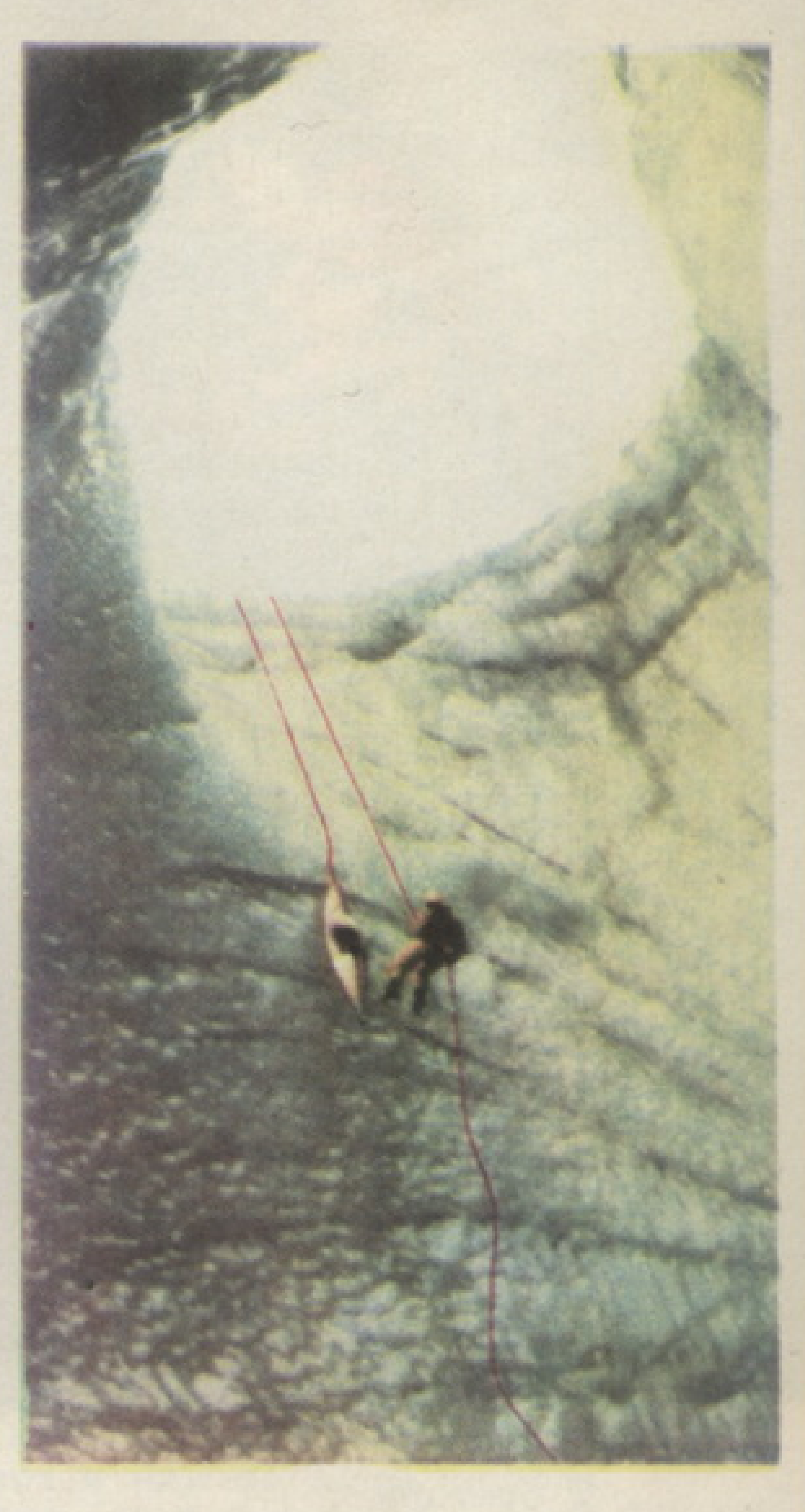

ВВЕРХ НА СВОИХ ДВОИХ КОЛЕСАХ. Заметки о новых велосипедах уже столько раз начинались с подтрунивания над поговоркой о бессмысленности изобретения велосипеда, что впору говорить о том, что велосипед — самый изобретаемый предмет человеческого обихода. На этот раз — почти ничего нового, просто комбинация из двух страстей — к велосипеду и путешествиям в горах, просто комбинация из деталей старых машин в одной спартанской, до предела облегченной. Одно усовершенствование, впрочем, есть — у этого велосипеда от 12 до 18 передач, облегчающих езду на спусках и подъемах. И пусть кто хочет подтрунивает над изобретателями велосипедов, велоальпинисты знай крутят педали, посматривая на всех свысока.

МАШИНА ИЛИ ЛЕКАРСТВО — НА ВЫБОР. Пора на упаковках лекарств ставить знак перекрещенного силуэта автомашины — такое мнение было высказано на международной конференции медиков в Милане, посвященной проблеме «Автомобиль и лекарства». Конференция на эту тему далеко не первая, но пока что можно говорить лишь о нескольких основополагающих выводах. В каждых двух случаях из трех автокатастроф у водителей обнаруживаются следы злоупотреблений таблетками от простуды и головной боли, высокого и низкого давления, сонливости и возбужденности, да мало ли от чего люди хватаются за «спасительные» таблетки! Между тем врачи не могут в точности предсказать воздействие лекарств на сложный психомускульный механизм, от которого зависит уверенное вождение автотранспорта. Тем более что зачастую водители сами себе «прописывают» лекарства, а то и их смеси. Абсолютно ясно, однако, одно: так же как совершенно несовместимы автомобиль и алкоголь, несовместимы автомобиль и таблетки.

СЛИШКОМ МНОГО ЧУДЕС. В детстве английского инженера Пола Вандер-Моллена постигло разочарование. Он собирался стать первооткрывателем, но оказалось, что все земли уже давно открыты. В юности Вандер-Моллен решил было открыть что-нибудь под землей, но в какую пещеру он ни спускался, везде его ждали надписи, оставленные на стенах предшественниками. Вот тогда-то Пол и решил испытать счастье в путешествии подо льдом. В Исландии на горе Кверкфёлбд, покрытой мощным глетчером, он нашел огромную расщелину, пробитую струями пара в 70-метровом слое льда, и отважно спустился в нее со своими друзьями. Что ждет их внизу — никто не знал, но Пол верил, что теплая подледная река рано или поздно выведет их на поверхность. «Мы попали в страну чудес из скал, льда и воды,— говорит Пол.— Из стен били ключи с горячей водой, и первое, что мы сделали,— искупались. То и дело нас подстерегали пороги, а когда вышли на поверхность, то и водопады, так что потом мы не раз еще купались, правда, уже не по своему желанию. Я счастлив, что сбылась моя мечта. Но, пожалуй, еще больше рад, что все позади. Там, под глетчером, мне иногда казалось, что исполнение мечты несколько затягивается».

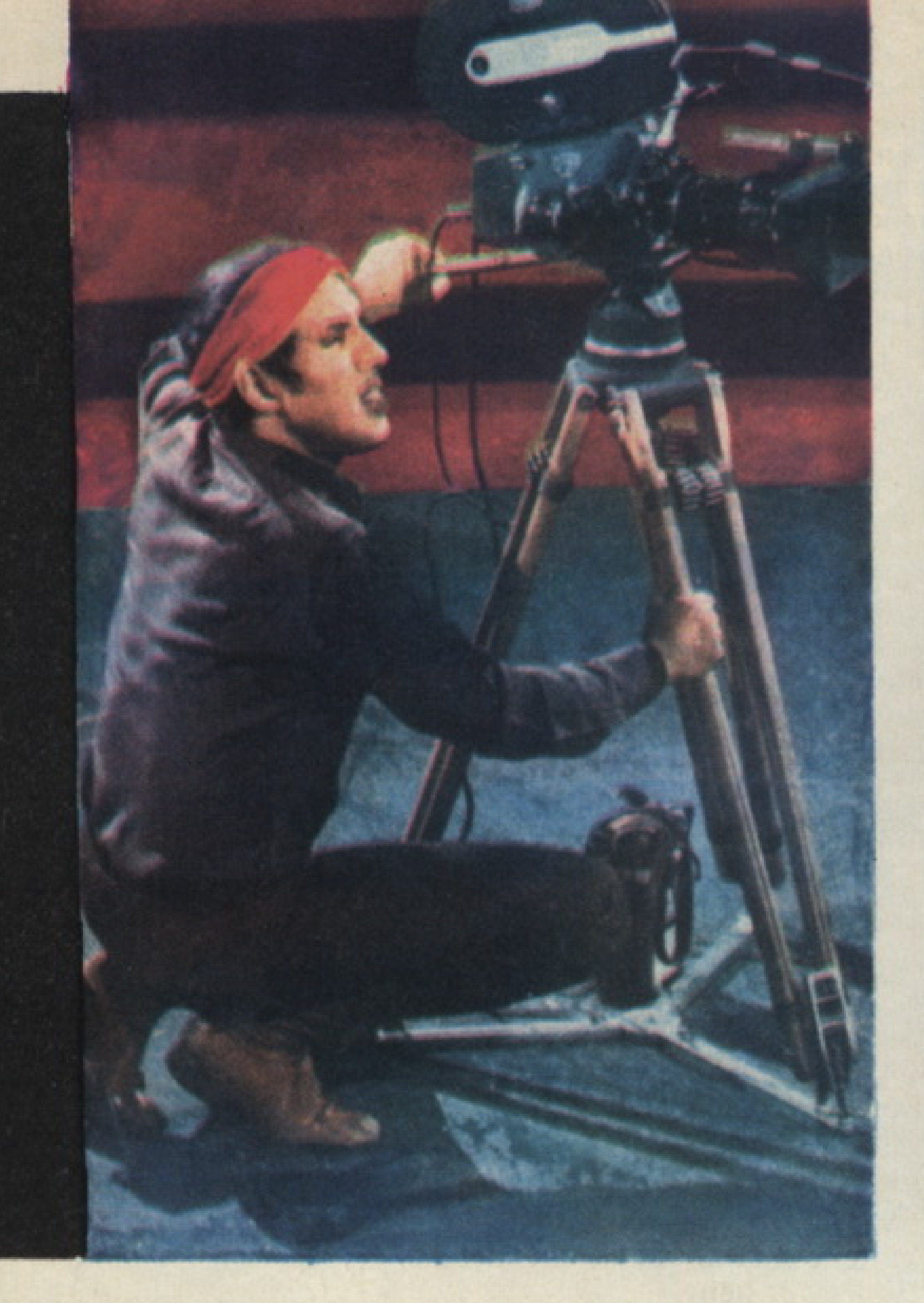

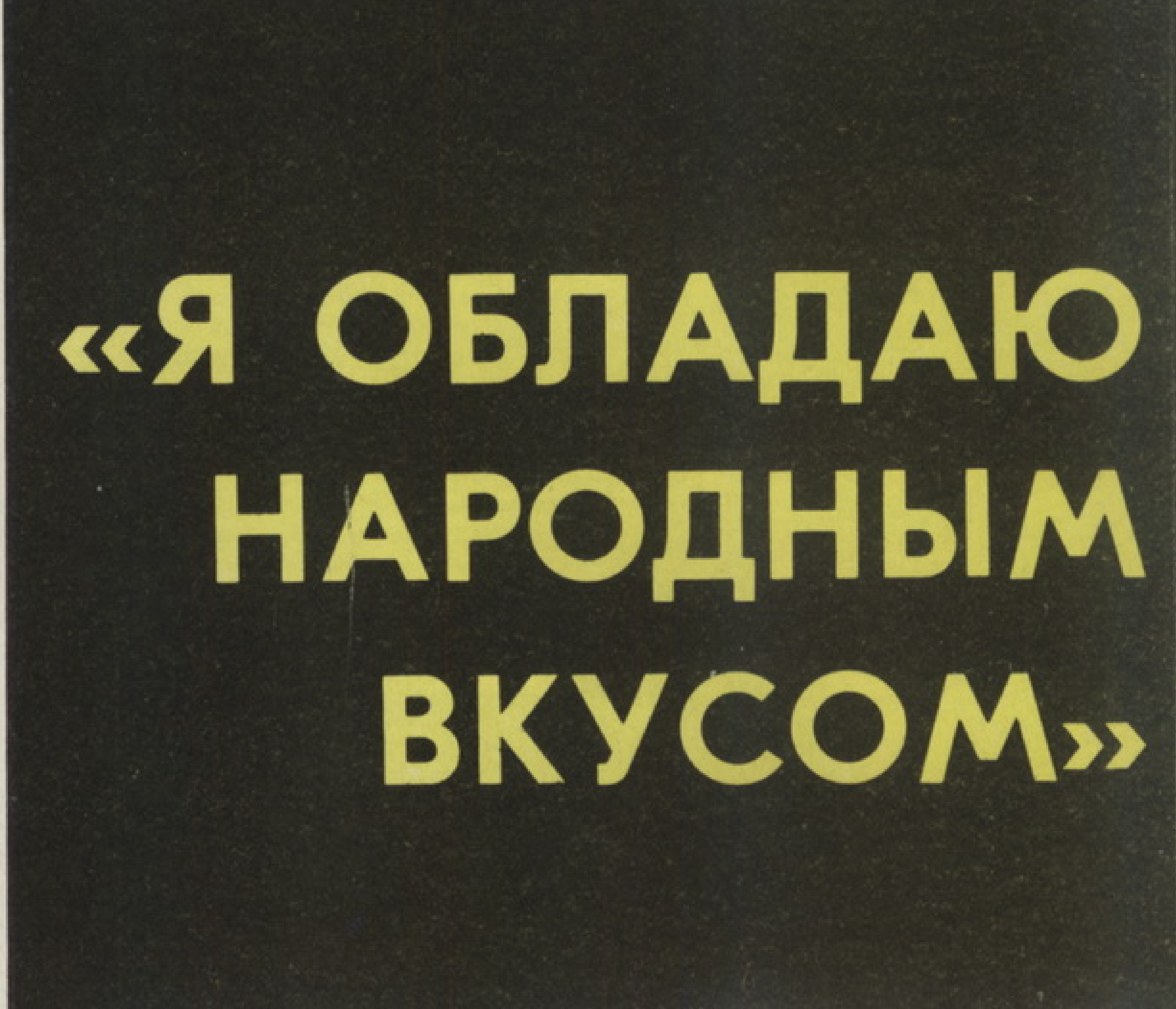

ВРЕМЯ БЕЖИТ! Один довольно молодой американец в поисках хобби остановился на собирании фотографий, запечатлевших соотечественников-негров на рубеже века. Получилась целая выставка, на которой посетители видят лица, о которых ничего не знают, а на них направлены взгляды, которые каждый волен понимать как хочет. Или вот сценка: представитель властей, его звали прямо-таки по-древнеримски — дисциплинарий, в охотку исполняет свои обязанности. Рядом чернокожие — в обязательных воскресных костюмах, чтоб ясна была значительность воспитательных усилий. Казалось бы, давно ушедшая жизнь, но как много знакомого оказалось в ней для молодых американцев: у современных дисциплинариев в полицейской форме точно такая же прыть. И точно такая же ненависть.

ТАК ЛИ ПРОСТО ОЗВЕРЕТЬ! Зверей, в частности львов, родившихся или живших какое-то время в комфорте зоопарка, к свободе надо приучать. Постепенно, бережливо и со знанием дела, поскольку у дикого льва в отличие от «домашнего» довольно много забот: охранять свою территорию, уметь прокормить себя и львицу, которую тоже надо уметь найти. За 20 лет работы в заповеднике на севере Кении Джордж Адамсон и его жена Джой, скончавшаяся три года назад (многие их, несомненно, помнят по фильму и книге «Рожденная свободной»), сумели «одичить» 40 попавших к ним разными путями львов. И хотя половина из них погибла, 20 живут и здравствуют. Да еще около сотни их потомков бродят по саванне, всем своим видом доказывая, что в хороших руках животные могут не только стать домашними, но и озвереть.

«Я ОБЛАДАЮ НАРОДНЫМ ВКУСОМ»

Я бунтарь,
Мне не нравится этот мир,
Где так мало фантазии.
Я бунтарь,
И я не забочусь о деньгах.

С этой песни Челентано, знаменитой в конце пятидесятых годов, и хотелось бы начать рассказ о нем. В те годы слова «Бунтаря» буквально заворожили итальянских подростков, и челентаномания поразила итальянские города. Случалось, на концертах своего кумира поклонники столь бурно выражали восторг, что потом долго считали синяки и переломы. Прошло без малого тридцать лет, подростки превратились в озабоченных отцов семейств, считающих каждую лиру, утомленных и раздраженных погоней за деньгами, которых всегда не хватает. А их кумир? Он по-прежнему молод, энергичен, слава и успех не расстаются с ним, впрочем, как и деньги. По правде говоря, в душе он никогда и не был тем бунтарем, чей образ томительным воспоминанием молодости сохранился в душе бывших подростков.

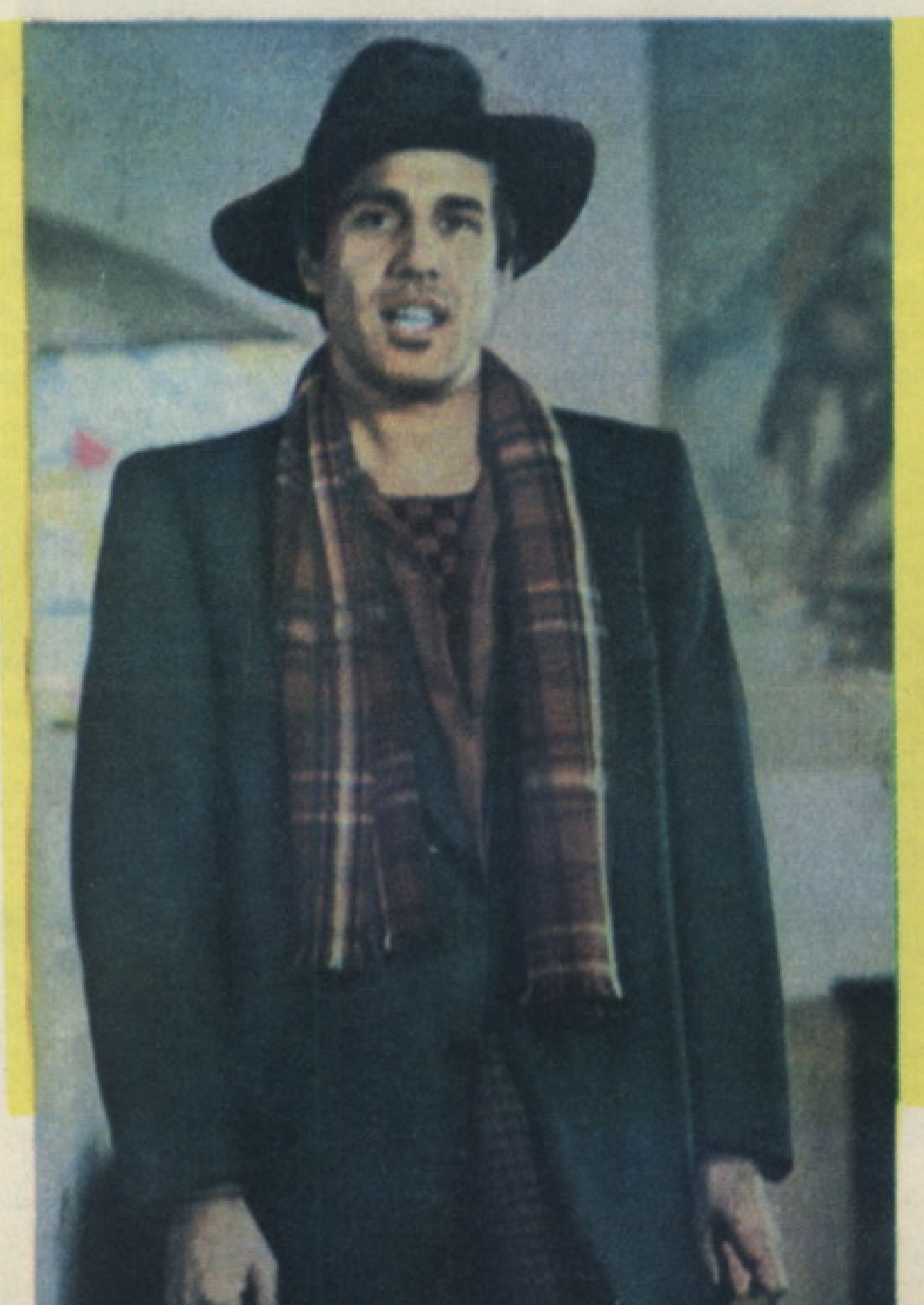
В послевоенные годы семья Челентано переехала с нищего юга в стремительно богатевший Милан. И первая осознанная мечта Адриано была «заработать много-много денег, чтобы обеспечить всех родных». В часовой мастерской дяди, куда его определили учеником, он заработал лестные похвалы: «Парень — золото, будет настоящим мастером». Но, увы, не благосостояние.

Человек талантливый во всем, за что бы он ни взялся, Челентано и свою биографию оснастил одной подробностью, отличающей ее от десятков других историй о знаменитых певцах. В детстве он не любил петь, потому что ему, как он говорил, слон на ухо наступил. Больше того, даже отец упрекал его: «Ты не итальянец! Итальянец не может жить без песни!» Эта деталь вносит своеобразную пикантность в историю неожиданного успеха, обрушившегося на «неитальянца», когда он все же запел.

А запел он, когда Италию полонил рок. Челентано рассказывает, что однажды ему попалась пластинка Джерри Льюиса. «Я прослушал ее и был поражен. Я почувствовал, что музыка эта была частью меня самого...» Он разучил несколько рок-н-роллов и начал выступать с ними на танцевальных площадках Милана. Вскоре две первые песни его собственного сочинения становятся «хитами». Растет число поклонников и поклонниц, и в дансингах, где он выступает, из-за наплыва публики танцевать становится просто невозможно.

Когда Челентано задают вопрос, как ему удалось так быстро завоевать популярность и что же заставило его в одно мгновение полюбить музыку и запеть, он объясняет все волей случая. В одном из интервью он подбрасывает журналистам такую историю: «О, музыка, да, она изменила мои привычки, переделала меня. Я любил утром поспать и, бывало, опаздывал в мастерскую. Но мама придумала хитрый способ: она ставила пластинку и говорила мне, что уже 8 часов, хотя на самом деле было только 7, а через пять минут она увеличивала громкость и говорила, что уже полдевятого. Спать я, конечно, уже не мог и с удовольствием вставал под звуки рок-н-ролла...»

В 50-е годы Челентано много работал, стараясь воспроизвести раскованную, свобод-

Челентано приучил публику к своей многоликости. Челентано — режиссер (верхнее фото) и Челентано — актер (фото слева сделано во время съемок фильма «Бархатные ручки»)...

ную манеру исполнения Пресли, Льюиса и других звезд той поры. Тогда он не нашел еще образ «грубоватого парня с нежной душой», который позже покорил зрителей всех возрастов.

С 1957 года, после того как в миланском Ледовом дворце состоялся первый итальянский конкурс рок-н-ролла, где с песней «Я скажу тебе «чао» 19-летний Челентано занял первое место, началось его триумфальное шествие. 1958 год, первое место на фестивале итальянской песни в городе Анкона, пару лет спустя он победитель в Сан-Ремо. В 1959 году кинодебют в фильме «Песни, песни, песни...». Сразу же после этого его приглашает сам Федерико Феллини сниматься в «Сладкой жизни». Пока на экране он остается только певцом...

В начале 60-х годов повеяло закатом рок-н-ролла. Вчерашние звезды сходят с круга, другие ищут новые формы. А Челентано обращается к вечно модной, всегда любимой итальянской песне. К привычному набору «ро́ковых» музыкальных инструментов он добавляет аккордеон и мандолину. Темы песен, старые как мир,— любовь, мечты о счастье, верность, измена. Челентано снова на волне успеха, растет его аудитория: оставаясь кумиром молодежи, он приобретает и более зрелых поклонников.

Сам Челентано об этом говорит так: «Я понял, что с музыкальными интеллектуалами мне не по пути. Я увидел, что нужно быть ближе к простой публике, к простым людям, которые если и не могут судить как знатоки, то умеют сразу же ухватить какой-то момент и постепенно, постепенно начинают понимать все, и гораздо больше, чем те, кто претендует на интеллектуальность...» Те, кто упрекал Челентано в отсутствии профессионализма, убедились, что он возмещает его природным здравым смыслом, чуткостью к духу времени и народной хитрецой южанина.

И наконец-то он может осуществить свою мечту — обеспечить всю свою родню. Он создает собственную фирму «Клан Челентано», в которой находится место всем друзьям и родственникам. «Клан Челентано» — это студии звукозаписи, киностудии, кинотеатры, бары, кафе, клубы. Словом, это целая индустрия, которая позволяет Челентано дороже продавать свой талант и устраняет необходимость делиться доходами с продюсерами, устроителями концертов, режиссерами, словом, другими кланами.

Челентано всегда предан своей семье, и в этом смысле он, по утверждению его биографов, составляет редкое исключение из общего правила,— кто ж не слыхал об актерских семейных скандалах. Он охотно рассказывает о своей любви к жене — Клаудии Мори, популярной в 60-е годы манекенщице и актрисе

Вы спрашивали

Мне нравится итальянский певец Адриано Челентано. Я люблю слушать его песни по радио, смотрел фильмы с его участием. Но я очень мало знаю про него и хотел бы просить вас рассказать в «Ровеснике» о его жизни и работе.

Василий Волобуев, г. Качканар Свердловской области

варьете. «Я безумно люблю ее,— признается он в одном из интервью.— Я постоянно влюблен в нее, но иногда мне кажется, что она любит меня не так сильно, и эта мысль причиняет мне нестерпимые страдания. Мне необходимо быть ежеминутно, ежесекундно уверенным, что есть на земле женщина, которой я нужен. Я не представляю своей жизни без Клаудии,— продолжает Челентано,— она для меня — все. Оценку своей работе я ищу не у публики, хотя она для меня много значит, а у нее. Клаудиа мой первый судья. Некоторые утверждают, что любовь — только для красивых... Ерунда, она для всех. Когда встречаются два человека, подходящих друг другу,— всегда рождается любовь. Любовь — это гонка, это соревнование, я хочу сказать, что нужно отдавать много сил, чтобы поддерживать ее огонь постоянно, всегда, до самой смерти... пусть даже любящим будет по 80 лет...» И точно так же, как тысячи подростков повторяли слова «Бунтаря», тысячи итальянок утирали слезы умиления, читая эти признания.

В 1964 году Челентано ставит свою первую сатирическую комедию «Суперограбление в Милане», пародирующую фильмы об ограблениях, в которой он сыграл главную роль и написал музыку. Фильм режиссера Пьетро Джерми «Серафино» (1967 год), где он играл простоватого деревенского парня Серафино Флорина, помог Челентано найти образ неотесанного грубияна, в котором скрываются природный ум, благородство, неприятие лжи и лицемерия, жадности и стяжательства. Этот образ Челентано повторил и во многих других фильмах и песнях.

Конец 60-х годов — годы «молодежного бунта» в США, Франции. Челентано, который одно время увлекался религиозными темами и даже работал над сценарием картины о Христе, вернулся к земным заботам. Он пишет «Мир в аккорде», «Самая прекрасная пара в мире», довольно спорная песня «Кто не работает, тот не любит» приносит ему еще одну победу на фестивале в Сан-Ремо. В песне «Парень с улицы Глюк» Челентано рассказывает о судьбе простого паренька, который вырос на окраине Милана и подался в город за счастьем. Друзья завидуют ему... Но вот проходит время, и парень возвращается на родную улицу состоятельным синьором, способным купить все, что угодно. Но где его улица, где дом, друзья? Он ничего не находит: город все поглотил, и с ним остаются только деньги... Эту песню считают лучшей из всего написанного Челентано.

Парень с улицы Глюк, однако, не забывает и о вкусах приверженцев англоязычной эстрады и вполне удовлетворяет их, исполняя песни на придуманном им самим «американском языке», который, по сути, является итальянским с английскими окончаниями.

Так, выполняя заказы всех потенциальных поклонников, Челентано прочно держит успех в руках. Некоторые недоброжелатели называют его «музыкальным Талейраном». Возможно, кому-то такое сравнение покажется неуместным: ведь речь идет всего лишь о певце. Но вспомним, дипломат Талейран оставался «на плаву» при всех политических переворотах — от республики до монархии — благодаря исключительной способности чувствовать, чья возьмет. Челентано тоже умеет предвидеть повороты моды и спроса на музыкальную продукцию и без сожаления бросает то, что еще вчера приносило успех...

Он любит и, надо сказать, умеет морализировать и давать такие советы, которые, ни к чему его не обязывая, бесспорно, будут способство-

...Челентано — музыкант, композитор, певец, автор целых шоу. Все спорят о талантах Челентано, но никто не оспаривает его бешеной энергии. Челентано к ней уже всех приучил.

вать росту его популярности. «Каждый человек,— сказал он однажды корреспондентам, сидя в своей вилле у горящего мраморного камина,— должен подавать хорошие примеры, а тот, кто пользуется популярностью и известностью,— особенно. Высший долг артиста — протестовать против несправедливости. Если бы, к примеру, я был президентом, я постарался бы вернуть итальянскому народу веру в свое правительство, которую он, увы, потерял. Единственное, в чем абсолютно уверены итальянцы,— это в том, что постоянно будут расти налоги, цены, а значит, их страдания, несчастья. Они уверены, что будет расти безработица. Если бы, к примеру, я выступал по телевидению в качестве премьер-министра, я первым делом сказал бы итальянцам: с этого момента налоги — дело добровольное, но при этом знайте — они пойдут только на улучшение условий вашей жизни, на строительство больниц, школ, на обновление дорог... И я уверен, что итальянцы стали бы платить налоги, и причем в гораздо больших размерах, чем раньше... Никто не стал бы хитрить, потому что хитрить при таких условиях — значит обманывать самих себя. Но наши министры уже не раз были замешаны в грязных делишках, и всем ясно, что правительство знает о бедах народа, но положение не меняется, и у людей нет больше веры...»

В последние десять лет Челентано в основном работает в кино, песни для него чаще всего пишет Тото Кутуньо, в том числе и знаменитую «Соли», которую почему-то многие приписывают самому Челентано. Публика привыкла видеть в нем собрание талантов и, наверное, поэтому не может представить Челентано перепоручившим кому-то то, что он может сделать сам.

Критики считают, что фильмы, поставленные Челентано, никогда не были в числе лучших работ итальянского кинематографа, но публика их любит. Челентано прекрасный комический актер большого обаяния, и даже самому незамысловатому сюжету его игра придает истинно народные черты. Иногда говорят, что во всех фильмах Челентано играет самого себя. Может быть, вернее было бы сказать,— каким сам артист видит себя в данный момент. Например, в «Укрощении строптивого», который прошел недавно по нашим экранам, это добившийся успеха, довольный собой богатый синьор (к слову, Челентано самый богатый артист Италии), владелец многих ферм и вилл, разбросанных по стране, человек, который может себе позволить некоторые вольности и даже иногда противопоставить свое «я» традициям и нормам общества. В этом фильме у Челентано роль эдакого идеального, немножко самодура, хозяина, который находится чуть ли не в братских отношениях со своими крестьянами. Зритель не всегда и вспомнит, что картина была задумана как пародия на комедию Шекспира «Укрощение строптивой». Может, потому и не вспомнит, что пародия вряд ли удачна.

Если посмотреть подряд несколько фильмов с участием Челентано, создается впечатление, что он сам для себя очертил определенные границы и старается не нарушать их. Его персонажи и в «Бархатных ручках», и в «Отеле «Эксельсиор», и в «Бинго-Бонго» — это герои красивых современных сказок, они веселят, забавляют и подбадривают зрителей: «Эй, господа, что вы приуныли, все не так уж плохо! Все будет хорошо! Посмотрите на меня. Вы тоже добьетесь успеха и богатства...»

В начале 1984 года на итальянский экран вышел еще один фильм с участием Челентано «Беллиссимо», где он играет вместе с молодой и жаждущей успеха актрисой Федерикой Моро («Ровесник» писал о ней в № 11 за 1983 год). Это очередная киносказка, которую можно даже назвать второй серией «Укрощения строптивого», и поставлена она теми же режиссерами — Костеллано и Пиполо.

Когда Челентано спрашивают: «В чем секрет вашего успеха?», он скромно отвечает: «Никогда не задумывался над этим. Возможно, если бы я знал какие-нибудь секреты, успех никогда не пришел бы ко мне...» А однажды он сказал о своей работе в кино: «Я один из 55 миллионов итальянцев, и, к счастью, я обладаю народным вкусом...»

А. МУДРОВ

Не скрою, мне он тоже нравился, но теперь это прошло.

Вот он сидит рядом: потертые джинсы от Фьоруччи, страшно простая и дорогая белая футболка, неизменная прическа — волосы всклокочены надо лбом. Некоторое высокомерие компенсируется юмором — иногда чувствуется, какие усилия он делает над собой, чтобы улыбнуться или расхохотаться в нужный момент...

В начале семидесятых годов Род Стюарт был весьма значительной фигурой на музыкальной сцене. Тогда в рок-музыке царили «тихие» времена тяжелого рока — песни были такими надуманными и настолько ни о чем, что, когда появился Род Стюарт со своим колючим, ни на кого не похожим голосом, со своей резкой, замешенной на черном блюзе и соуле музыкой,— это показалось чем-то свеженьким. Он и группа «Фейсиз» создали блестящий образ «простых парней», решивших немного повеселиться. Интервью, которые давал Стюарт, редко касались музыки, там больше говорилось о футболе или о приятно проведенном вечере. Он много и охотно рассказывал о себе, о своей славе и пришедшем богатстве, и между строками читалось: если у меня это получается, то и у вас получится, пробуйте, вы ничем не хуже меня.

В 1975 году «Фейсиз» распались: Стюарт слишком много внимания уделял своим сольным пластинкам, да и по сравнению с его крепко сработанными песнями музыка ансамбля была несколько простоватой.

— Особенно очевидным это стало после выхода моего третьего сольного альбома, на котором была песня «Мэгги Мэй». Мы перестали быть ансамблем единомышленников.

«Фейсиз» разлетелись кто куда. Стюарт поселился в Лос-Анджелесе. И с этого момента началось его падение. Жить он стал как обыкновенный нувориш. Его фотографии перекочевали с обложек музыкальных журналов в светскую хронику, тем же путем пошла и его музыка. Песни типа «Плавание», «Ты в моем сердце» принесли ему мировую славу, но они же знаменовали разрыв с той музыкой, которая создала ему репутацию нон-конформиста.

Сегодняшний Род Стюарт ведет подчиненную строгому порядку жизнь: каждый год выпускает новую долгоиграющую пластинку, каждый год предпринимает турне по всему свету. Каждый год его новые пластинки звучат точно так же, как и старые, и каждый год толпы народа заполняют огромные стадионы. Правда, критика относится к нему плохо.

— Честно говоря,— признает сам Стюарт,— я это заслужил. Особенно в период между 1976 и 1979 годами. Беда моя была в том, что я верил прессе только тогда, когда обо мне писали хорошо. Я и впрямь решил, что я — дар божий для публики. А это не могло не сказаться на музыке... Просто те, кто меня окружал, боялись сказать мне правду в глаза.

Типичное замечание в духе Стюарта — виноваты все, кроме него. По ходу беседы он еще несколько раз возвращается к периоду 1976—1979 годов: «это был период сплошного притворства», «дурацкий был период» и т. д. Потом слегка грустнеет:

— И зачем я это рассказываю? Все равно ты не поймешь, это нужно пережить.

Грусть постепенно улетучивается, когда начинаем говорить о дне сегодняшнем.

— Моя заветная мечта — петь до конца жизни. Но это так, из области мечтаний. А вообще-то я даже не знаю, что со мной будет через два года.

Ну, это он, положим, прекрасно знает. До конца этого года — гастрольные поездки, потом — новая пластинка, которую он собирается записать за четыре месяца, потом совместное турне с Элтоном Джоном, съемки в совместном фильме.

— Не устал ли ты от всего этого?

— От чего?

— От бессмысленных песенок про девочек с красивыми ногами, от затасканных музыкальных штампов?

— Ну что ты, если все это делать с юмором, то это просто не может надоесть. Могу, кстати, по секрету рассказать свою последнюю задумку. Выхожу на сцену, сажусь в кресло и начинаю петь в чайник. Нет, нельзя расставаться с доброй шуткой! Я просто не могу воспринимать себя всерьез и рок-н-ролл тоже. Да и жизнь вообще. Ну, суди сам, можно ли серьезно относиться к миру, где столько бед, столько людей голодает!

— Значит, вместо того, чтобы что-то делать, лучше отвернуться?

— А я не отворачиваюсь, я делаю все, что в моих силах.

— Что, например?

— Много денег я передал в Детский фонд ООН. Мне до сих пор приходят письма от детей с благодарностями. И я этим горжусь. Мне, конечно, приятно об этом вспоминать, но давай не будем акцентировать на этом внимание, лучше поговорим о вещах более веселых.

— К примеру, о деньгах?

— Кстати, я вообще не так богат, как многие считают. Во всяком случае, богаче за последние годы я не стал. Не умею выгодно вкладывать деньги.

Но и от разорения Стюарт далек. Его последняя сорокапятка «Крошка Джейн» стала хитом, билеты на предстоящее турне распроданы заранее, что дает Стюарту основания полагать, будто он вносит выдающийся вклад в мировую музыку.

— Я никогда не стал бы выпускать пластинку, если бы не был уверен, что она будет шагом вперед по сравнению с предыдущими. Хотя вряд ли я смогу в чем-то радикально изменить свою музыку, да и стоит ли? По-моему, моя публика в этом не заинтересована.

— Наверное, когда столько лет выступаешь на сцене, приобретаешь такую сноровку, что процесс делания пластинок становится несколько...

— ...механическим? Нет-нет. Для меня записать пластинку — адский труд, особенно много проблем с текстами. Я их обычно заканчиваю в самый последний момент. Видно, не родился я автором песен.

В этом и суть. Лучшие песни Стюарта написаны им в сотрудничестве с кем-нибудь. Теперь с большинством из своих старых соавторов он порвал, и от этого его музыка стала задыхаться.

— Долго ли ты собираешься продолжать в том же духе?

— Не знаю, не могу же я бесконечно писать песни типа «Ай да ножки!», мне уже тридцать восемь лет, я стараюсь писать что-то более глубокое, отражающее мой возраст (как я понимаю, это «Крошка Джейн»! — Авт.). Все прочее я оставляю более молодым исполнителям. Нельзя ведь всю жизнь оставаться шестнадцатилетним.

— Мне это кажется проявлением некоторого смирения, безысходности...

— Так оно и есть, не хочу обманывать самого себя. Нужно смириться с фактом, что стареешь.— Он на минуту задумывается.— Хотя на сцене я по-прежнему появляюсь в совершенно дурацких одеяниях, таких дурацких, что сам иногда диву даюсь: надо же, человеку тридцать восемь лет, а он так вырядился!

Тут действительно есть над чем подумать... Ну а чем же он собирается порадовать публику во время предстоящих гастролей?

— Британии сейчас, по-моему, не хватает доброго старого рок-н-ролла. Попробую заполнить эту пустоту. Я знаю, что я оригинален и буду оригинальным всегда. Я был первым в своем роде. Пусть это звучит нескромно, но у меня по-прежнему один из самых выразительных и оригинальных голосов. И люди не перестают ходить на мои концерты.

Лет десять назад все это было правдой. Сейчас с трудом верится в то, что Стюарт «оригинален» и «первый в своем роде». Род Стюарт вряд ли изменится. Он будет верить только тому хорошему, что пишут о нем газеты, будет и дальше «творить» песни по рецепту, который принес ему большие деньги, будет по-прежнему пребывать в убеждении, что он — жизненно важный элемент современной музыки.

Время Рода Стюарта прошло. Все это знают. Кроме Рода Стюарта. И представление должно продолжаться!

Перевел с английского Л. ЗАХАРОВ

Рис. И. АЙДАРОВА

ОБЫЧНЫЙ БИЗНЕС

Приключенческая повесть

Дж. ФИЛЛИПС,
американский писатель

Точно в указанное время Коттер подошел к дому Магги Брэнсон и нажал кнопку звонка. Ответа не последовало. Он оглянулся: Магги бежала через улицу, прижимая к груди пакет с покупками.

— Слава богу! — воскликнула она.— Я боялась, что вы уже ушли.

«Что-то непохоже,— подумал Коттер,— чтобы она так побледнела из-за меня».

Магги, лихорадочно порывшись в сумочке, достала ключ и открыла входную дверь. Молча они вошли в подъезд и поднялись на второй этаж. Открыв дверь в квартиру, Магги зажгла свет и, тяжело дыша, прислонилась к стене.

— Что случилось? — спросил Коттер.

— Я... я испугалась. Ну, возможно, это из-за Мака, и мистер Ларкин сказал по телефону...

— А что он сказал?

— Если Мака убили из-за того, что он делал на службе у специального прокурора, я могу стать следующей жертвой... Из офиса я ушла поздно и на улице заметила этого человека. Я бы не обратила на него внимания, если бы не торопилась. Я почти бежала, а он не отставал, держался метрах в пяти сзади... Я резко остановилась и посмотрела в витрину. Он тоже остановился. Я вошла в магазин, а он остался у входа. Я знакома с управляющим и сказала ему, что ко мне кто-то пристал на улице, и попросила разрешения выйти через служебное помещение. Я вышла на улицу через служебный ход, прошла немного и снова увидела его! Вот тут я действительно перепугалась и побежала.

— Выше среднего роста, довольно крупный? — спросил Коттер, подойдя к окну.

— Он там?

— На другой стороне улицы,— подойдя к Маргарет, Коттер положил ей руку на плечо и улыбнулся.— Готовьте обед. Я скоро приду.

Продолжение. Начало см. в № 5 за 1984 год.

Коттер вышел на улицу. Мужчина стоял у витрины небольшого книжного магазина и разглядывал книги. В два прыжка Коттер очутился рядом и схватил незнакомца за шею: он знал, куда надо нажимать.

— В армии меня научили убивать,— сказал он тихим голосом.— Выньте руки из карманов, очень медленно, чтобы я их видел,— он почувствовал, как мужчина на мгновение напрягся, затем расслабился и, вытащив руки, развел их в стороны.— Зачем вы преследовали мисс Брэнсон?

— Могу я опустить руки?

— Да, но не пытайтесь выкинуть какой-нибудь фортель.

— О, нам известны ваши способности, мистер Коттер,— удивленный взгляд Дэвида, несомненно, доставил мужчине удовольствие.— Если вы позволите мне сунуть руку во внутренний карман, я покажу свое удостоверение.

— Какое именно?

— ФБР.

— Действуйте, но осторожно. Подобные ситуации меня очень нервируют.

Мужчина вытащил бумажник и, достав удостоверение, протянул его Коттеру: Артур Остин, агент ФБР.

— Итак, я повторяю,— сказал Коттер.— Зачем вы преследовали мисс Брэнсон?

— Приказ,— ответил Остин.

— Откуда вам известно, кто я такой?

— На вас там заведено толстое досье, мистер Коттер. Нам интересны люди, выполняющие за нас нашу работу. Передайте мисс Брэнсон, я сожалею, что напугал ее. Я лишь выполнял приказ.

Магги ждала Дэвида у дверей.

— Я все видела из окна,— сказала она.

— ФБР,— ответил Коттер.

— Но почему?

— Не знаю, но постараюсь узнать.

Он позвонил сенатору Фаррадею и попросил связаться с директором Бюро и выяснить, в чем дело.

Магги накрыла на стол и начала рассказывать о Маке Креншоу. Как оказалось, она давно работала в одном из офисов «Креншоу корпорейшн», и когда Мак вернулся из армии, была передана в его распоряжение.

— Он не был бездельником, Дэвид. Но в то же время не был и карьеристом. Он любил посмеяться и никого не боялся. В Вашингтоне так мало людей, которые никого не боятся. Думаю, я обожала его как бога. Возможно, в первые дни мне хотелось быть с ним не только в офисе. Постепенно я становилась его другом. Меня приглашали на приемы. Я помогала Гвен, его жене, составлять списки гостей,— слабая улыбка скользнула по ее губам.— Когда Мак поступил к специальному прокурору, я последовала за ним. Я стала не просто секретарем, печатавшим его письма. Я стала его административным помощником. Он советовался со мной, как генерал с начальником штаба. Не скрою, я мечтала о том дне, когда могла бы стать ближайшим сотрудником президента Соединенных Штатов.

Зазвонил телефон.

— Благодарю, сенатор,— положив трубку, Коттер взглянул на Магги.— ФБР никому не поручало следить за вами.

— Но этот человек показал удостоверение!

— В ФБР был агент по имени Артур Остин. Две недели назад его тело выловили из Потомака. Поскольку удостоверение Остина оказалось у этого мерзавца, он наверняка знает, как тот попал в реку,— Коттер встал и подошел к окну.— Конечно, он смылся. Но, думаю, кто-нибудь занял его место. Я приглашу сюда моего человека, чтобы охранять вас, Магги.

Сотруднику Коттера, Рэду Кристи, потребовалось пятьдесят минут, чтобы добраться до квартиры Магги.

— Я буду держать с вами связь,— сказал ей Коттер.— А пока никого сюда не пускайте. Даже свою мать,— он повернулся к Кристи.— Будь внимателен, Рэд.

Провожая Коттера, Магги коснулась его руки.

— Неужели все так плохо, Дэвид?

Он посмотрел в ее серо-зеленые глаза и с удивлением понял, что думает о ней как о старом и добром друге.

— Лучше перестраховаться.

Кто-то полагает, что Магги известна информация, которая может привести к человеку, стоящему за выстрелом. Они, кто бы «они» ни были, не могут знать наверняка, что Магги еще ничего не сказала Коттеру.

Улица казалась спокойной. Около книжного магазина никого не было. На углу Коттер поймал такси и поехал в «Вейленд», отель, в котором жил в это время. Еще у Магги он позвонил и договорился о встрече. Нужный человек уже ждал.

Тед Гарт работал в ФБР. Не так давно Коттер сообщил ему информацию, позволившую Гарту быстро закончить одно важное дело. Теперь Гарту пришло время оказать ответную услугу.

Коттер спросил:

— Что ты знаешь об Остине? Чем он занимался?

— Хороший парень, который ненавидел свою работу.— Гарт закурил.

— Интересно, а почему?

— Мы говорим неофициально? Так вот, в дни Джонсона, а позднее при Никсоне, директора ФБР преследовала мысль, что все несогласные с войной во Вьетнаме — предатели нации или коммунистические агенты. Особенно его бесило молодежное движение и студенты. Один из путей борьбы с молодежным движением — внедрение в него агентов ФБР. Этим и занимался Остин. Он внедрялся в группу, произносил зажигательные речи, а затем, что ему особенно не нравилось, провоцировал их на какое-нибудь нарушение закона, и они попадали прямо в руки Бюро. И когда тело Остина выловили из Потомака, все решили, что в очередной группе его разоблачили и отомстили.

— С какой группой был связан Остин, когда его убили?

— Не имею понятия.

— Можешь узнать?

— Попробую.

— Девушка, застрелившая Мака Креншоу, кричала: «Перестань отравлять мир». Думаю, она имела отношение к хиппи.

— Остина убили за две недели до Креншоу.

— Все равно я хотел бы узнать, с какой группой он работал перед смертью. Я не считаю, что убийство Креншоу совершено под влиянием момента. Скорее всего место и время выбиралось заранее. Если мы установим личность убийцы, то поймем, где искать сообщников.

— По-моему, эти два убийства никак не связаны.

— Наша жизнь полна самых невероятных совпадений. Сенатор Фаррадей и я уверены, что девушку кто-то направлял. Мы пытались выяснить кто. А тут появляется мужчина с удостоверением Артура Остина, который интересуется, чем занимается Маргарет Брэнсон и что я делаю у нее дома. Ты думаешь, это тоже совпадение?

Около одиннадцати вечера Коттер позвонил Магги.

— Пожалуйста, Дэвид, приезжайте,— ответила она.

Магги ждала его у двери в квартиру. Коттер увидел стол, заваленный папками, блокнотами и записными книжками. Она напоминала студентку, готовящуюся к экзамену.

— Я просматривала весь этот хлам, но не нашла ничего из того, что может вас заинтересовать.

Кристи устроился в удобном кресле около книжных полок. Раньше он служил в вашингтонской полиции, у Коттера он работал уже три года, и тот ему полностью доверял.

Магги принесла кофе, и Коттер рассказал о встрече с Гартом.

— Это лишь догадка,— заключил Коттер,— но Остин работал с группами, из которых могла выйти девушка, убившая Мака Креншоу. Человек, стоявший у книжного магазина, наверняка имеет отношение к смерти Остина. Иначе где бы он взял его удостоверение? И почему этого человека заинтересовали я и Магги? Вероятно, ему не хочется, чтобы мы получили ответы, которые ищем. А в настоящий момент мы пытаемся установить личность убийцы Креншоу. Связь двух убийств — Креншоу и Остина — трудно назвать случайной.

— Возможно, здесь что-то еще,— вмешался Кристи.— Я бы хотел осмотреть окрестности. Этот парень из книжного магазина уже далеко, но кто-то мог его заменить. Пойду поищу.

— Хорошая идея,— ответил Коттер.— Но не подавай виду, что заметил его. Он может дать нам ниточку.

Когда Кристи ушел, Дэвид опустился в кресло. Тело ломило от усталости. Он не спал почти сорок восемь часов.

— Кроме вас, Магги,— сказал он,— я собираюсь поговорить с членами семьи Креншоу — его женой, отцом, братом. Расскажите мне о его семье.

— Дело в том, Дэвид, что я не представляю, где искать. Пожалуй, начну с отца, Росса Креншоу. Я почти ничего не знаю о нем, но мне очень хорошо известна его репутация. Поверите ли, за десять лет работы у Мака я встречалась с ним лишь дважды: на свадебной церемонии и когда он зачем-то зашел к Маку в офис. Росс Креншоу верит только во власть. Его политика — расставить нужных людей в нужных местах. И при необходимости они сделают то, что он захочет. Большинство американцев не верит в то, что его могущество почти беспредельно. И зря. «Крен-Ам», сокращенное название «Креншоу-Америкен», когда-то начала с нефти. Теперь в сфере ее интересов медь, сталь, химикалии, пластмассы, воздушный транспорт, торговый флот, газеты, телевидение. Сейчас «Крен-Ам» по могуществу сильней какой-нибудь страны средних размеров.

— Легкое преувеличение? — спросил, улыбаясь, Коттер.

— Скорее недооценка. Росс Креншоу — это примитивная, но гигантская сила, и начинаешь сомневаться, сохранились ли в нем обычные человеческие чувства. Думаю, он решил, что Мак станет президентом в день, когда тот появился на свет. Если бы он был способен на любовь, то любил бы Мака,— Магги взглянула на Коттера, ее глаза затуманились.— Не только мы ищем человека, который стоит за выстрелом, Дэвид. Армия шпионов, детективов, телохранителей, правители стран и хозяева промышленности, зависящие от Креншоу, тоже ищут этого человека. Когда старик его найдет, он уничтожит не только его самого, но и все, что связано с ним на этом свете. Твой друг, сенатор, хочет найти этого человека, чтобы утолить жажду справедливости. Росс Креншоу хочет отомстить. Он хочет видеть кровь убийцы, слышать его предсмертный крик... Таков Росс Креншоу. Если он и скорбит по Маку, то это не главное, что он испытывает. Он мечтает о мести. Каждый, кто мешает его планам, платит вдвойне... Это ужасный человек, Дэвид... Помимо мальчиков, у него была и дочь, которая погибла в двенадцать лет, упав с лошади. Креншоу должны делать самые высокие прыжки, рисковать больше других. Они — сверхчеловеки. Ирен Креншоу сломала шею, пытаясь взять препятствие, перед которым остановился бы и олимпийский чемпион. А отец стоял рядом и убеждал ее прыгнуть,— ее голос дрогнул.— Он подгонял и Мака.

— А жена Росса, мать Мака?

— Она умерла совсем молодой,— Магги закурила.— Мак никогда не говорил о ней, но ходили слухи, что она покончила с собой в психиатрической лечебнице. Я... я чувствую, что никто не способен жить рядом с Россом Креншоу и сохранять нормальную психику.

— По-моему, Мак Креншоу совсем не походил на своего отца

— Совершенно. Росс Креншоу жаждал только власти. Маку же нравилось, что им постоянно восхищались. Он был прекрасным спортсменом, гордился своим образованием, успехами на службе закона. Ему не требовалось колотить людей, чтобы те любили его. Мак постоянно смеялся, шутил. Он был отличным парнем.

— А теперешний наследник, Вильям?

— Билл не такой, как Мак. Тот всегда сверкал, а Билл жил в его тени. Подобное положение здорово влияет на людей, особенно в детском возрасте. Билла выгнали из школы за воровство! Представляете? Старик мог бы купить ему все, что угодно, если бы Билл захотел. Психоаналитик объяснил бы поступок Билла желанием привлечь к себе внимание. Билл бросил колледж: хороший студент, который не хотел учиться. Ездил по стране, играл в какой-то рок-группе. Он не брал у отца ни цента и собирался сам найти дорогу в жизнь.

— Не пример для подражания, а?

— Мак частенько говорил о нем. Билл, где-то арестованный за драку, Билл в полицейском фургоне, Билл и катастрофа, разбитая машина и погибшая девушка, сидевшая рядом. Список можно продолжить... А потом... ну, Билл изменился.

— Как?

— Примерно восемь месяцев назад он вернулся домой. Блудный сын. Мак очень удивился.— Она нахмурилась.— Он не мог понять, что вызвало столь резкую перемену. Билл раньше всегда смеялся над Маком, полагаю, из зависти, и вдруг стал любящим братом. Мак не понимал, что это значит, но был доволен. Когда Мак ушел от специального прокурора и занялся подготовкой предвыборной кампании сенатора, Билл очень деятельно помогал ему. Лишь доля секунды помешала ему спасти Мака, но он отомстил за смерть брата.

— А как насчет жены Мака?

— Несчастная маленькая богатая девочка. Красавица. Когда видишь ее в первый раз, перехватывает дыхание. Всегда прекрасно одета, получила превосходное образование. И все же во многом осталась маленькой девочкой. Она не любила шумных приемов, на которых так нравилось сверкать Маку. Он везде был солнцем, затмевающим остальных. А она всегда терялась.

— Что же свело их вместе при столь противоположных интересах?

— Это детский вопрос!

— Ласситеры, семья Гвен, очень богаты,— задумчиво сказал Коттер,— но Мак не нуждался в деньгах.

— Она так красива, что он хотел любить ее всю жизнь.

Было уже слишком поздно, чтобы возвращаться в отель, и Магги уложила его в гостиной. Он проснулся от ярких лучей утреннего солнца. Магги уже встала, и он слышал ее шаги в соседней комнате. Она появилась на пороге, одетая во все черное.

— Боюсь, я опоздаю в собор,— сказала она.

Коттер вздрогнул и взглянул на часы. Четверть одиннадцатого! Он же должен быть в соборе, организовать наблюдение за церемонией, заметить, кто из присутствующих слишком уж явно выражает свою печаль! И где, черт побери, Рэд Кристи? Наверное, вернулся, позвонил и, не получив ответа, скромно удалился. Коттер чувствовал, что мог и не услышать звонка: он спал очень крепко.

Позднее, в такси, он удивился, что Рэд Кристи не выломал дверь. В его обязанности входила охрана Магги, и звонок в ее квартиру, оставленный без ответа, должен был послужить сигналом к действию.

В собор Коттер приехал, когда служба подходила к концу. Он оглядел присутствующих. Президент и первая леди, судьи, сенаторы, конгрессмены, дипломаты. Владельцы крупнейших корпораций с женами и детьми. Магги сидела во втором ряду, за семьей усопшего.

Тут на его плечо легла чья-то рука. Коттер обернулся. Перед ним, с побледневшим лицом и налитыми кровью глазами, стоял Тед Гарт.

— Мы охотимся за тобой с двух часов ночи. Никто не знал, где тебя искать.

— Что произошло? — спросил Коттер, уже предчувствуя ответ.

— Убили Рэда Кристи. Взяли удостоверение, оружие и все, что было у него в карманах. Его случайно опознал один из полицейских, служивший с ним раньше.

Часть 2. ИГРОКИ

Глава I

На мраморных ступенях перед входом в собор стояли две шеренги военных моряков, чтобы сопровождать гроб с телом Мака Креншоу на кладбище. Мертвецов всегда тщательно охраняют, подумал Коттер. Посылают почетный караул, чтобы защитить тебя, когда в этом уже нет необходимости. Посылают полицейских и сотрудников Бюро, чтобы выяснить правду, но человек-то уже мертв. И если вашингтонская полиция и ФБР найдут убийцу Рэда Кристи, ему уже тоже ничем не поможешь...

— Где же ты был? — спросил Гарт.

— Я был у Брэнсон. После нашего разговора я сразу вернулся туда. У Магги много записей, касающихся Мака Креншоу. Я хотел поговорить о ее работе, семье Креншоу, о чем угодно, лишь бы найти отправную точку для поисков «человека, стоящего за этим выстрелом». Парень с удостоверением Остина, конечно, смылся, но мы с Рэдом подумали, что кто-то мог его заменить, чтобы продолжать наблюдение за Магги. И Рэд пошел осмотреть окрестности.

— И не вернулся?

Коттер покачал головой.

— Мне трудно объяснить тебе, Тед, но я хочу, чтобы ты меня понял. Несколько лет назад я потерял жену, самого дорогого для меня человека. С тех пор у меня никого не было. Рана не заживала,— в горле у Коттера пересохло.— Вчера в это время я еще не знал Магги. Сегодня она для меня все. Все! И она в опасности, Тед. То, что случилось с Кристи, показывает, как велика эта опасность!

— Постарайся забыть о романтике,— сказал Гарт,— и вспомни, что ты опытный и умелый детектив. Она нуждалась бы в твоей помощи, даже будучи просто мисс Икс.

Из собора слышались звуки органа. Гроб медленно поплыл по ступенькам. За ним шли сенатор Фаррадей с каменным лицом, Гвен Креншоу, побледневшая, но по-прежнему прекрасная. Потом появился седой, сгорбленный годами старик, черные очки скрывали его глаза. Он тяжело опирался на руку молодого симпатичного человека. Должно быть, Росс и Билл Креншоу. И наконец, Магги.

Коттер подошел к ней и буквально вытащил из процессии.

— Дэвид! — запротестовала Магги.— Я должна идти...

— Рэда Кристи убили,— оборвал ее Коттер.— Я хочу увезти тебя отсюда.

— Но, Дэвид, я должна...

— Тебе придется поехать с нами. Немедленно. Это Тед Гарт, мой друг.

Коттер повел ее вниз по ступенькам, подальше от траурного кортежа. В процессии кто-то наверняка следил за ней. И Коттер хотел побыстрее увезти Магги в безопасное место. На счастье, мимо проезжало такси. Они забрались в машину, Коттер назвал адрес.

— Мой офис? — воскликнула она.

— Послушай, Магги, Рэд Кристи ушел посмотреть, что происходило вокруг. И его нашли в темной аллее недалеко от твоей квартиры в два часа ночи.

— Но почему, Дэвид?

— Рэд — бывший полицейский. Видимо, он встретил человека, которого знал раньше. Они не могли допустить, чтобы Рэд сообщил мне об этом. Поэтому его убили. А теперь вспомни, все началось с того, что за тобой кто-то следил.

— Вы — личная секретарша Мака Креншоу,— заметил Гарт.— Вы можете знать нечто, дающее нить к тому, кого Дэвид называет «человеком, стоящим за этим выстрелом».

— Но я ничего не знаю!

— Ты не знаешь, что именно тебе известно,— вмешался Коттер.— Ты десять лет работала с Маком Креншоу. Это записи, пленки, старые дела, разговоры с людьми, какие-то сделки, просьбы о помощи и многое другое. Твой мозг — не компьютер, Магги. Ты не можешь просто нажать кнопку и получить в ответ имя, ситуацию или еще что-то, давно забытое. Но если ты пройдешься по оставшимся документам, если тебе зададут нужные вопросы, то в поле нашего зрения может попасть опасная информация. Опасная для кого-то. Твоя жизнь под угрозой, Магги.

— Я думаю, у Дэвида есть идея по поводу того, что мы найдем в вашем офисе,— сказал Гарт.

— Что именно?

— Твои записи, папки с бумагами, блокноты, дневники,— ответил Коттер.— Они будут разорваны в клочья, а может, их унесут, чтобы внимательно просмотреть в спокойной обстановке.

— То же самое произойдет и в вашей квартире,— добавил Гарт.

— Но как они посмеют рискнуть?..

— Они абсолютно уверены в твоем местонахождении в это время: похороны Мака, собор и кладбище. У них есть время.

— Если они найдут в ваших записях что-нибудь опасное для себя, мисс Брэнсон,— сказал Гарт,— то поймут, что рано или поздно вы об этом вспомните. А если они не найдут, они попытаются увезти вас в укромное место и заставить вспомнить. И в любом случае они не дадут вам уйти, потому что это поставит их под удар.

— Но что же мне делать, Дэвид?
— То, что я тебе скажу, дорогая,— улыбнулся он.— Я собираюсь спрятать тебя там, где никто не сможет найти.

Как и предсказывал Гарт, и в офисе, и в квартире Магги царил полный разгром. В офисе не осталось ни клочка бумаги — ни в ящиках стола, ни на полках, ни во взломанном сейфе. Документы бесследно исчезли.
— Как получилось, что здесь находилось так много бумаг? — спросил Коттер.
— О, это еще не много. Каждый год Мак просматривал накопившиеся документы, откладывал, как он говорил, «древнюю историю» в картонные коробки, и потом их увозили в какое-то хранилище.
— Ты не знаешь, где оно?
— Нет, Дэвид. Я полагаю, что он посылал их к себе домой, в Вирджинию. Там полно пустующих сараев, амбаров, конюшен.
Гарт решил, что нет смысла заниматься поисками отпечатков пальцев: они имели дело с профессионалами.
— И что теперь? — спросила Магги.
— Происшедшее — достаточный предлог для визита в дом Креншоу. Даже в день похорон Мака,— ответил Коттер.— Если «древняя история» Мака хранится в Вирджинии, кто-то может появиться и там.

Коттер питал слабость к автомобилям, еще с тех пор, как возил генерала Фаррадея. Он любил возиться с моторами. Как только позволили средства, Коттер стал покупать машины иностранных марок и перебирать их по винтику. Это стало его хобби. И он был прекрасным водителем: однажды летом, во время учебы в колледже, он даже подрабатывал каскадером на киностудии. В гараже, недалеко от своей конторы, Коттер держал «мерседес» и двухместный «феррари» с форсированным двигателем: в «феррари» он мог уйти от любого преследователя.
Из квартиры Магги Коттер позвонил в гараж и попросил подогнать «мерседес» к подъезду.
— Упакуй чемодан,— сказал он Магги.— Положи все необходимое на неделю или дней на десять. Тебе нельзя оставаться в этой квартире, будет здесь охрана или нет. После того как мы посетим Креншоу, ты, моя милая, должна исчезнуть...— Коттер повернулся к Гарту.— А как насчет Остина и его работы?
— Пока ничего. Связь с Остином поддерживалась через Уэсли Мосса. Где он сейчас — неизвестно. Но я его найду. А что ты собираешься делать после того, как встретишься с родственниками Мака?
— Все зависит от того, что они мне скажут.
— Держи меня в курсе. Мне поручено найти убийцу Остина. Возможно, то, что ты выяснишь, понадобится и мне. Да, и будь осторожен с Россом Креншоу. Он может не захотеть помочь тебе, Дэвид.
— Но почему? — удивился Коттер.— Мы же оба ищем человека, приказавшего убить Мака.
— Креншоу не понравится, если ему помешают расправиться с виновным по своему усмотрению,— ответил Гарт.— И его методы не очень соответствуют легальным мерам наказания.
В дверь позвонили: посыльный из гаража привел «мерседес».
Потом Дэвид думал, что, должно быть, сошел с ума, заставив Магги пойти на такой риск.

Дом в Вирджинии! Большой, построенный в колониальном стиле особняк, окруженный ухоженными лугами и рощами. Рядом подсобные помещения. По периметру поместье ограждал железный рельс, а сам дом скрывался от нескромных взглядов за зеленой изгородью. Прекрасное убежище для принца и принцессы. Когда вы — Креншоу или Ласситер, достаточно потереть волшебную лампу, и пожалуйста, любая мечта к вашим услугам.
Только объехав изгородь, Коттер заметил признаки того, что сегодняшний день отличается от остальных. Около дома стояли автомобили, а рядом с ними прогуливались мужчины, которые даже не скрывали того, что вооружены.
Двое из них остановили «мерседес»: никаких гостей сегодня, сказали они. Магги объяснила, что она — секретарша Мака Креншоу, у них важное дело и им необходимо поговорить с родственниками Мака. По знаку охранника со ступенек спустился человек в черном траурном костюме.
— Он меня знает,— прошептала Магги.— Это управляющий поместьем Мака,— ей удалось выдавить из себя улыбку.— Привет, мистер Баффит!
— О, мисс Брэнсон,— удивленно поднятая бровь спрашивала, кто ее спутник.
— Дэвид Коттер, помощник сенатора Фаррадея,— пояснила Магги.— Произошло нечто очень важное. Я понимаю, что мы приехали не вовремя, но у нас срочное дело, мистер Баффит.
Баффит провел их в дом, в прохладный, залитый солнцем холл. Справа доносились приглушенные голоса. Шли поминки. Для гостей и родственников накрыли роскошный стол.
Баффит вышел и через мгновение вернулся с симпатичным молодым человеком, который поддерживал Росса Креншоу на ступеньках кафедрального собора. Очки в тонкой металлической оправе придавали ему ученый вид.
— Привет, Магги,— сказал он.
— Билл, это Дэвид Коттер.
Мужчины обменялись рукопожатием.
— Произошло событие, о котором необходимо поставить вас в известность,— сказала Магги.— Кто-то перевернул вверх дном мой офис и квартиру в поисках архивов Мака. Дэвид — помощник сенатора Фаррадея. Я сказала ему, что Мак, возможно, хранил здесь старые документы.
— Если они не нашли того, что искали, в офисе и квартире Магги, то скоро появятся здесь,— добавил Коттер.
— Если вы заметили во дворе эту маленькую армию, Дэвид, то, должно быть, понимаете, что отсюда ничего не украдешь.
— Мы думали, что ты, или Гвен, или мистер Креншоу могли бы подсказать, что именно они ищут,— продолжала Магги.
— Не имею ни малейшего представления. Да и Гвен, наверное, тоже. И я не думаю, что отец станет сегодня говорить с вами. Он ушел наверх в свою комнату. Я надеюсь, вы понимаете, что он в шоковом состоянии. И потом, Магги, я полагал, что никто лучше тебя не знает деловую жизнь Мака.
— Я предположил,— сказал Коттер,— что мотивы убийства Мака не имеют отношения к политике.
Улыбка исчезла с лица Билла, и его глаза потемнели от ярости. Наверное, подумал Коттер, он вспомнил ту девушку.
— Что же тут еще, кроме политики? — спросил Билл.— Эта дрянь могла убить любого, кто занимается политикой. Она даже не знала, в кого стреляет. «Перестань отравлять мир!»
— Молодежь здесь ни при чем,— сказал Коттер. Он описал Биллу человека, стоявшего у книжного магазина, и рассказал о том, что случилось с Рэдом Кристи.— Единственная ниточка к молодежному движению — Остин. И если тут есть связь, то лишь в том, что кто-то мог использовать эту девушку в своих целях и обставить все так, будто ей действительно безразлично, в кого стрелять.
— Сенатору все известно? — спросил Билл.
— Не совсем. О Рэде и обысках у Магги он не знает. Он же был на похоронах!
— Думаю, вам стоит поговорить с ним,— Билл улыбнулся.— Мне предложено заменить Мака в подготовке предвыборной кампании сенатора. Честно говоря, не знаю, с чего начинать.
Билл вышел и вернулся в сопровождении Гвен и сенатора Фаррадея.
Сенатор представил Коттера вдове.
— Мы можем поговорить в кабинете Мака,— предложила Гвен.— Я хочу, чтобы вы ввели меня в курс дела, мистер Коттер. И мы все мечтаем о том, чтобы справедливость восторжествовала и убийцы Мака понесли наказание.
У нее был низкий, с хрипотцой голос. Правильные черты лица, будто высеченные из мрамора гениальным скульптором, темные волосы, большие фиолетовые глаза, белоснежная, идеально гладкая кожа, прекрасная фигура. Она двигалась с грацией балерины, но в ней ощущались сила и решительность. Смерть Мака не сломила Гвен. Наоборот, она приготовилась к борьбе.

Продолжение следует

Сокращенный перевод с английского
В. ВЕБЕРА

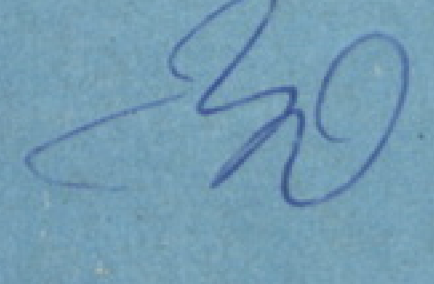

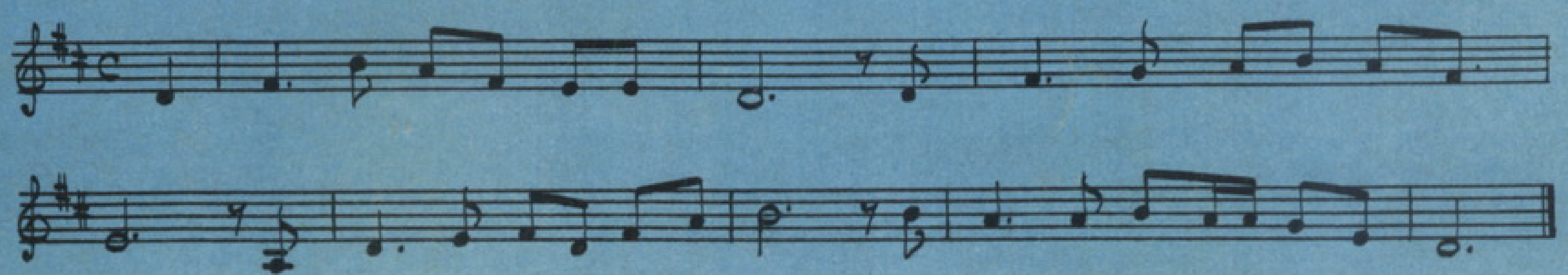
Песни тех, фестивальных, лет...

С этого номера мы начинаем публикацию песен, которые пели участники фестивалей молодежи и студентов разных лет... Те фестивали уже стали историей, и песни их тоже вошли в историю борьбы за социальную справедливость и мир. Но это такого рода история, что остается актуальной и по сей день. Потому что борьба не утихает, продолжается.

Вот одна из этих песен: ее пели на Пражском фестивале молодые американцы. Песню «Не нужны мне ваши миллионы...» написал в 1947 году шахтер из штата Кентукки Джим Гарланд. Он же был ее первым исполнителем, а первыми слушателями были бастовавшие шахтеры округа Харлан.

«Не нужны мне ваши миллионы, мистер, ни ваше бриллиантовое кольцо. Что мне нужно, так право жить, мистер, и право всегда иметь работу. Мы построили эту страну, мистер, пока вы развлекались как могли. Но вы украли все, что мы создали, и мои дети голодают и мерзнут. Я знаю, что вся земля и все деньги ваши, мистер, но где работа, которую сделали именно вы! Мне ничего не нужно, мистер, верните лишь мне мою страну». Таково в нескольких строчках содержание этой песни, которую знаменитый певец американского рабочего класса Вуди Гатри включил в сборник «Песни, бьющие в цель». Аранжировка мелодии С. Рыженко.

I don't want your millions, Mr.,
I don't want your diamond ring.
All I want, just the right to live, Mr.,
Demanding back my job again.

Now I don't want your Rolls Royce, Mr.,
I can't use your pleasure yacht.
All I want is just food for my babies.
Give to me my old job back.

Well think me dumb, if you wish, Mr.,
You can call me green or blue or red,
But here's one thing that I can tell you, Mr.,
My hungry children are gonna be fed.

Now we worked to build this country, Mr.,
While you enjoyed a life of ease.
You've stolen all that we built, Mr.,
And now my children starve and freeze.

Well I know you have a land-deed, Mr.,
The money all is in your name.
But where's the work that you did, Mr.?
I want my country back again.

Well I don't want your millions, Mr.,
I don't want your diamond ring.
All I want is the right to live, Mr.,
Demanding back my job again.

Главный редактор А. А. НОДИЯ

Редакционная коллегия: В. А. АКСЕНОВ, В. Л. АРТЕМОВ, Я. Л. БОРОВОЙ, С. М. ГОЛЯКОВ, И. В. ГОРЕЛОВ (ответственный секретарь), А. С. ГРАЧЕВ, Ю. А. ДЕРГАУСОВ, С. А. КАВТАРАДЗЕ, В. Б. МИЛЮТЕНКО, В. П. МОШНЯГА, Д. М. ПРОШУНИНА (зам. главного редактора), Б. А. СЕНЬКИН, В. Г. СИМОНОВ

Художественный редактор Е. А. Гричук
Оформление И. М. Неждановой
Технический редактор А. Т. Бугрова

Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул., 5а.
Телефон 285-89-78. Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на ежемесячник.

Сдано в набор 02.04.84. Подп. к печ. 11,05.84. А00709. Формат 84×108 1/16. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 3,36. Усл. кр.-отт. 13,4. Уч.-изд. л. 5,6. Тираж 1 100 000 экз. Цена 35 коп. Заказ 621.

Издательство и типография «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21

Индекс 70781
Цена 35 коп.